

А. Г. ГЕРЦЕН

**К 50-ЛЕТИЮ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА:
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП**

Статья посвящена истории археологических исследований Мангупского городища, возобновившихся в 1967 г. после перерыва с 1938 г. Основные работы проводились совместной экспедицией Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, Бахчисарайского историко-археологического музея (БИАМ) и Крымского государственного педагогического института (КГПИ) им. М. В. Фрунзе (с 1971 г. — Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе (СГУ), с 2000 г. — Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (ТНУ), с 2014 г. — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского). В 1970 г. в составе археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького был создан Мангупский отряд. Основным объектом исследований стала базилика. К сожалению, материалы этого памятника опубликованы не полностью, и не все отчеты доступны. Говоря об этом памятнике, мы вынуждены будем довольствоваться, в основном, публикациями в ежегоднике «Археологические открытия» и некоторыми материалами из отчетов. Следует отметить, что на протяжении последнего, полувекового, периода самым стабильным участником, осуществлявшим широкую программу исследовательской деятельности памятников Мангупа и его окрестностей, являлся КГПИ — КФУ. С 1991 г. работу на памятнике продолжала только экспедиция крымского университета, включая в свой состав группы участников, представлявших другие научные и образовательные учреждения.

Придерживаясь хронологического изложения истории изучения памятников Мангупа, в ряде случаев, когда это связано с продолжающимися исследованиями одного объекта или группы взаимосвязанных объектов, мы объединяем информации о нескольких полевых сезонах¹.

Концептуальная основа для возобновления исследований Мангупа сформулирована в статье Е. В. Веймарна, посвященной итогам разведывательных работ в «пещерных городах» Крыма в 1954-1955 гг. [1, с. 71-79]. Строго говоря, ее реальной основой стали соображения теоретического характера, проистекавшие из идеологических установок, господствовавших в советской медиевистике. Это касалось, прежде всего, представлений о процессе зарождения и развития феодальных отношений у восточных славян. Одним из постулатов такого подхода было признание доминирования внутренних причин над внешними влияниями и заимствованиями. В частности, это выражалось в отрицании заметной роли византийского фактора в истории средневековой Таврики в противовес устоявшемуся взгляду об определяющем значении Византии в формировании «пещерных городов» [2, с. 148-163]. Справедливо отмечая типологическое разнообразие этих памятников, невозможность их толкования исключительно как византийских крепостей юстиниановского периода,

Е. В. Веймарн предложил рассматривать их как памятники становления феодализма в Крыму. Была разработана новая классификация этих поселений в соответствии с характерными планировочными признаками. Соответственно, были выделены города (Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Кыз-Кермен), замки (Бакла, Тепе-Кермен, Сюреньская крепость, Каламита) и неукрепленные поселения (Качи-Кальон, Шулдан, Чильтера). Учёный принял участие в археологических исследованиях Эски-Кермена, Мангупа, Чуфут-Кале, Чильтеры и Каламиты. Возобновляя исследования Мангупа, он ставил целью получить дополнительные материалы для подтверждения своей гипотезы относительно типологии и хронологизации «пещерных городов». Она существенно отличалась от позиций, с которых история Мангупа освещалась в публикациях результатов археологических исследований, проводившихся в 1938 г. экспедицией ГАИМК, участником которой и был Е. В. Веймарн. Тогда все специалисты-участники полевых исследований признавали, что городище на Мангупском плато на раннем этапе его существования следует отождествлять с Доросом — главной крепостью страны крымских готов. В дальнейшем она превращается в феодальный город Феодоро, столицу одноименного княжества. Обоснованию этой гипотезы посвящена статья М. А. Тихановой [5, с. 319-333], причем, в основном, автор следовала концепции А. А. Васильева, изложенной в его монографии, публиковавшейся отдельными частями в СССР и полностью в США [6-8]. Правда, имя его не упоминалось, поскольку было под запретом, по причине эмиграции учёного в США. В том же издании трудов Мангупской экспедиции 1938 г. Е. В. Веймарну принадлежала статья, посвященная разведкам оборонительной системы и некрополя городища. В ней он опубликовал результаты археологической разведки оборонительной стены в Табана-дере и пришел к обоснованному выводу о ее позднем характере, отметив использование известняковых блоков из более древнего сооружения [9, с. 419-429]. Далее кратко, без приведения каких-либо иллюстративных материалов, автор констатировал, что раннесредневековой на городище может рассматриваться только оборонительная стена в верховьях оврага Капу-дере, однако для окончательного вывода необходимо ее более обстоятельное исследование.

Разрабатывая модель процесса становления и развития феодализма в Крыму и, в частности, концепцию истории «пещерных городов», исследователь, со свойственной ему обстоятельностью, приступил к сбору библиографических и архивных материалов. Он создал картотеку всех известных тогда памятников городища, рассматривая эту работу как подготовительный этап к написанию соответствующей монографии. Исходные теоретические посылки для нее изложены им в уже упоминавшейся статье 1958 г.

В сентябре 1967 г. на Мангупе, после тридцатилетнего перерыва, возобновились археологические исследования, они проводились под руководством того же Е. В. Веймарна, являвшегося старшим научным сотрудником отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР. Основной рабочей силой в экспедиции стали студенты-практиканты I курса исторического факультета. Их первый учебный год начался с археологической практики, руководителем которой был назначен заместитель декана исторического факультета В. А. Коростелин.

Как можно понять из плана развертывания этих работ, сколько-нибудь масштабные раскопки не планировались, а предполагалось ограничиться зачистками уже исследованных объектов или же тех, которые были выявлены разведками довоенного времени. Некоторые предварительные разведывательные исследования предпринимались в 1965-1966 гг. Так, были проведены зачистки скального основания церкви перед фасом юго-восточной куртины цитадели, о чем есть упоминания в тексте пред-

¹ История изучения Мангупа на протяжении XVI — начала XX в. изложена в статье: Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников XVI — начала XX в. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2008. Вып. 3. С. 215-256.

варительного отчета об исследованиях 1967 г. В Описи графических материалов под № 5 значится «План церкви у цитадели, расчищенной в 1965-1966 гг.» [10].

Одним из важнейших объектов исследования в указанном году стала базилика². Памятник открыт Ф. А. Брауном в 1890 г., когда двумя взаимно перпендикулярными траншеями был прорезан высокий холм, скрывавший руины здания [11, с. 15-21; 12, с. 30-31]. Раскопки продолжила экспедиция Херсонесского музея под руководством Р. Х. Лепера в 1912-1914 гг. [13-15]. В результате установлены размеры сооружения, произведена его общая расчистка приблизительно под уровень поверхности предальтарной солеи. В 1938 г. отрядом экспедиции ГАИМК под руководством М. А. Тихановой раскопаны участок перед внешней северной частью западной стены храма, небольшой храм, определенный как крещальня, у северной стены и внутренняя часть северной галереи [16, с. 354]. В 1967 г. предполагалось провести расчистку руин базилики от зарослей, освободить ее от завалов камня, выбрав оттуда архитектурные детали. Считалось, что памятник практически полностью раскопан предшественниками и ожидать каких-либо не затронутых ими участков не приходится³. Однако в самом начале работ в северной части нартекса была обнаружена не показанная на опубликованных и известных архивных планах плитовая могила. В ней оказалось 25 скелетов, при нижних обнаружены два глиняных кувшина. В северо-западном углу северного нефа выявлена плитовая гробница, под которой находилась еще одна. В общей сложности здесь зачищено 19 скелетов. В западной части северного нефа заложили стратиграфический шурф 1,5x2,0 м, показавший, что под слоем, определенным как строительный мусор, скалу покрывает слой коричневой земли толщиной до 0,15 м, содержащий фрагменты рифленых амфор VI-VII вв.

В восточной части храма расчищены ступени синтрона и солея, кстати, не упомянутая ни одним из предшествующих исследователей. Впервые обследовалась внешняя сторона центральной апсиды и сделан предварительный вывод, что первоначально по внешней стороне основания она была полукруглой в плане, а затем ей придали трехгранную форму.

Кроме базилики, раскопки проводились на ряде объектов, намеченных разведками 1930-х гг. В их число входили вырубные основания церквей перед фасом юго-восточной куртины цитадели на мысе Тешкли-бурун и на юго-восточном краю плато близ триангуляционного геодезического знака.

На юго-восточном краю городища, рядом с геодезическим пунктом, отмечающим высшую точку плато (на различных картах от 583,5 до 584,5 м над уровнем моря), расчищено вырубленное в материковой скале основание трехнефной церкви. Ни одного камня от ее стен на месте не сохранилось. По нашим наблюдениям, камни из этой постройки использовались в турецкое время для восстановления расположенной поблизости оборонительной стены А. XVII. Она была серьезно разрушена артиллерийским обстрелом во время осады 1475 г. и, возможно, даже была заново возведена выше старой линии, на самой кромке плато [17, с. 372]. В кладке этого укрепления также вмурованы фрагменты гранитных пушечных ядер. Вероятно, разобранная церковь имела одну (центральную) апсиду, выходящую на край обрыва. В публикации

² Исследование этого объекта велось под руководством заведующей археологическим отделом Бахчисарайского историко-археологического музея Н. И. Барминой. В дальнейшем она работала в Уральском, Пермском и Челябинском университетах и вела исследования базилики самостоятельно. После 1991 г. отряд Уральского университета, исследовавший базилику, вошел в состав Мангупской археологической экспедиции СГУ — ТНУ.

³ Отметим, что продолжающиеся (с небольшими перерывами) с 1967 по 2005 г. раскопки базилики каждый раз выявляли незатронутые участки культурного слоя.

церковь показана как имеющая наос, вытянутый по линии север-юг и, соответственно, укороченный по линии запад-восток [18, с. 130-134, рис. 4]. Исходя из такой особенности планировки, предложена ее дата — IX-X вв.⁴ Однако, как показали архитектурные исследования памятника, проведенные Мангупской экспедицией СГУ (руководитель группы архитекторов студентов-практикантов из Одессы — Ю. С. Воронин), церковь имела нартекс, в который вел лестничный спуск с семью ступенями, прорубленный с выше расположенной выше поверхности плато. Внутри нартекса находились три неглубокие гробницы, которые, как считал Е. В. Веймарн, находились за пределами храма. На вышележащей поверхности плато, к северо-западу от церкви, были зачищены еще пять гробниц, ориентированных по линии юго-запад — северо-восток, которые, по мнению исследователя, могли относиться к дохристианскому периоду, основанием для такого вывода послужила названная нами дата церкви. Нужно отметить, что опубликованный инвентарь из потревоженных захоронений в ранних могилах этого комплекса не может датироваться столь определенно. Это касается как стеклянных и металлических браслетов, так и бронзовых бубенчиков, мало выразительных в хронологическом отношении. Зато весьма показательна серья «вопросовидной» формы, подобные часто встречаются в комплексах золотоордынского времени, например, в погребениях могильника Мамай-Сурка у с. Знаменка Запорожской области [19, с. 47, рис. 14]. В то же время, исходя из современных представлений о периодизации Мангупа, основанных на данных исследований, накопленных за последние четверть века, вряд ли есть основания для датирования памятника IX-X вв. Этот период характеризуется специализацией хозяйственной жизни, ориентированной на виноделие. Археологические материалы данного времени представлены в значительно меньшем количестве, чем предшествующего, ранневизантийского, и более позднего, феодоритского, периодов. Тем более исключается XI-XIII вв., представленные единичными находками [20, р. 41]. Таким образом, вопрос о времени создания рассматриваемой церкви остается открытым. Определенно можно утверждать, что она функционировала в период жизни княжества Феодоро (XIV-XV вв.).

В оборонительной системе городища исследовался участок главных ворот в верховьях ущелья Капу-дере, который Е. В. Веймарн определил как раннесредневековый на основании наблюдений, сделанных еще в 1938 г. [9, с. 419]. Он вообще полагал, что это единственное сохранившееся звено защитной системы первоначального укрепления на плато, занимавшего, в основном, территорию мыса Тешкли-бурун. От зарослей был расчищен десятиметровый участок квадратной кладки лицевого панциря (от оконечности воротного пилона). На основании внешних наблюдений делался вывод, что стена здесь перестраивалась не менее четырех раз, впрочем, без указания конкретных дат.

В том же полевом сезоне на городище работала группа архитекторов Центральных республиканских реставрационных мастерских (г. Киев) во главе с Е. А. Лопушинской, которая занималась подготовкой данных для проекта консервации и реставрации здания цитадели. Для удобства обмеров были произведены небольшие зачистки этого сооружения. По материалам обследований составлена историческая справка, в дальнейшем послужившая основой для статьи, посвященной строительной истории цитадели [21, с. 50-54]. Данная публикация заслуживает отдельного критического рассмотрения, так как предлагаемая в ней периодизация строительной истории оборонительной системы крепости, в целом, и цитадели, в частности, противоречит данным археологических исследований.

⁴ Эта дата была предложена А. Л. Якобсоном на основании доклада Е. В. Веймарна о раскопках памятника, сделанного на пленуме ИА АН СССР в 1969 г. В качестве аналогии указана пещерная церковь Тепе-Кермена, наос которой вытянут по линии север-юг [18, с. 134, прим. 35].

В следующем полевом сезоне в экспедиции также участвовали студенты исторического факультета⁵. Продолжились исследования базилики, сосредоточившиеся на северной части нартекса и западной части северного нефа, где были открыты многочисленные захоронения (в основном без сопровождающего инвентаря).

На юго-восточном краю плато, в 165 м к юго-западу от цитадели, раскопано скальное основание небольшой часовни-усыпальницы, выходящей апсидой на обрыв (так же, как и церковь, расчищенная в 1967 г.). От наземной части сооружения в западной части сохранились фрагменты нижнего ряда кладки стены, выполненной из необработанного камня. В центре помещения размером 5,9x2,5 м находились две вырубные гробницы, одна прямоугольная в плане и вторая со скругленной восточной частью, придававшей сооружению антропоморфный облик. За пределами здания находились еще шесть гробниц. Ориентация погребальных сооружений отличалась от направления продольной оси часовни большим склонением к востоку. Очевидно, при закладке здания больше внимания уделялось его строго перпендикулярному расположению относительно края обрыва. Остатки этих сооружений были перекрыты тонким слоем дерна и строительного мусора, не давших выразительных археологических материалов, кроме мелких фрагментов черепицы. В гробницах находились лишь перемешанные фрагменты человеческих костей [18, с. 126-128, рис. 3].

К северо-востоку от этого комплекса, на поверхности материковой скалы, выявлены вырубные основания двух прямоугольных в плане помещений, отделенных от часовни водоотводным желобом, пробитым перпендикулярно к обрыву.

Здесь же, в 2 м от часовни, расположен наклонный туннель с лестничным спуском, ведущий в обширное двухкамерное помещение⁶, имевшее в стене выходящий на обрыв проем с узким проходом, ведущим к самому краю скалы. Он завершается амбразурой, через которую хорошо просматривается участок нижней дороги, ведущей в крепость. Первоначально на месте этого сооружения, вероятно, располагалась внутрискальная усыпальница, подобная находящейся возле церкви перед юго-восточной куртеной цитадели. Затем ее расширили и превратили в оборонительный каземат [23, с. 124, рис. 25].

Одной из задач исследований 1968 г. был поиск на плато погребальных сооружений раннесредневекового времени. Е. В. Веймарн исходил из предположения о существовании некрополя, связанного с укреплением на мысе Тешкли-бурун, которое предшествовало «большому городу». С этой целью вдоль скального уступа, протянувшегося по юго-восточному обрыву плато, на расстоянии 16 м от его кромки, заложена разведывательная траншея. Начинаясь она от вырубного сооружения прямоугольной формы, находившегося в 60 м к юго-востоку от триангуляционного знака. Оно представляло собой прямоугольную в плане камеру (3,2x3,8x2,6 м), вырубленную в материковой скале, в которую с поверхности плато вел прямоугольный входной колодец с наклонным лестничным спуском с шестью ступенями. В целом, конструкция сооружения была сходной с раннесредневековыми склепами. На дне камеры, зачищенной в 1967 г., выявлены вырубные в виде перекрещивающихся желобов, очевидно, появившиеся на втором этапе функционирования сооружения. Предполагалось, что они служили для установки основания какого-то механического устройства, может

⁵ Постоянного руководителя студенческой археологической практики в 1968 г. фактически не было. Назначенный доцент А. Г. Мякшин провел в экспедиции в общей сложности не более трех дней, как и сменивший его доцент Ф. П. Кунцевич. Оба они не были археологами и в силу возраста с трудом переносили условия полевой жизни. Вся тяжесть руководства исследованиями и студенческой практикой легла на Е. В. Веймарна.

⁶ Глазомерный план этого комплекса опубликован [22, Т. 6, Atlas, 4 serie, I, 7].

быть, станка⁷. Разведывательная траншея, протянувшаяся в направлении к цитадели на северо-восток вдоль скального уступа, не имела следов погребальных сооружений. Зато в скальной вырубке уступа найдены многочисленные куски железного шлака, указывавшие на вероятность присутствия здесь плавильной печи. Траншея была расширена и превратилась в раскоп площадью 130 м². В результате, впервые в истории археологических исследований Мангупа начались раскопки жилого комплекса, правда, очень плохой сохранности. Раскопки этого объекта велись в 1969-1970 гг.⁸ От большинства кладок остались только вырубные в скале. Культурный слой возле уступа скалы, достигавший толщины 0,75 м, фактически представлял собой темно-серый грунт, в верхней части пронизанный корнями растений. Лишь на поверхности материковой скалы удалось проследить участки плотной темно-серой земли со щебнем [24, л. 11]. В силу такой ситуации, археологический материал не был стратифицирован, а разбит по типологическим группам, послужившим основой для реконструкции периодизации данного комплекса. Поскольку результаты исследований его были опубликованы, правда, без соответствующего иллюстративного материала [18, с. 128-130; 25, с. 113-118], мы ограничимся несколькими замечаниями, сделанными на основании наших многолетних исследований на различных участках городища. Можно согласиться с выводами Е. В. Веймарна и И. С. Пиоро о датировании наиболее ранних материалов комплекса VIII-IX вв. (фрагменты бело-глиняных поливных сосудов, обнаруженные в «тонком подстилочном слое») [18, с. 129]. Менее убедительны приведенные со ссылкой на А. Л. Якобсона даты черепиц с метками, а именно, X-XII вв. [26, с. 122, рис. 86,3], а также многочисленных фрагментов сосудов, «орнаментированных чаще всего волнистой врезной линией или поясом мелкого рифления» — VIII-IX вв. По личным впечатлениям автора настоящей статьи, большинство этих фрагментов относится ко времени существования княжества Феодоро (XIV-XV вв.).

В следующем полевом сезоне (1972 г.) на данном участке разобраны остатки стен небольшого строения XIV в. и обнаружены два горизонта полов жилых помещений усадьбы. С большой осторожностью они были отнесены, соответственно, к строительным периодам VIII-IX и X-XI вв. Кроме того, рядом с этой постройкой раскопана давальня для винограда (5,0x2,4 м), вырубленная в скале. Ее сооружение отнесено к первому строительному периоду. В дальнейшем в ее западном и восточном бортах прорубили водосборные желоба, по которым в давальню стекала талая и дождевая вода. Позже, предположительно в XIV-XV вв., она была забита камнями и мусором [27, с. 265-266].

Результаты исследований данной части комплекса не попали в статьи, обобщавшие материалы раскопок 1967-1969 гг. Недостаточно аргументированным представляется вывод авторов о разрушении ранней усадьбы в конце XIII в. в связи с татаро-монгольским нашествием на юго-западную часть полуострова [18, с. 129]. Как показали дальнейшие исследования городища, проводившиеся в последней четверти века археологической экспедицией СГУ-ТНУ, материалы XI-XIII вв. встречаются здесь исключительно редко. Можно определенно говорить о прекращении жизни на плато в этом

⁷ При раскопках на северо-западной окраине мыса Тешкли-бурун, проводившихся в 2000-2001 гг., у края обрыва были обнаружены подобные вырубные, служившие основанием для установки винтового пресса для отжима винограда, рядом располагался обычный для крымского средневековья тарапан из двух вырубленных в скале корыт. Такая же ситуация отмечена и в районе раскопок 1968-1969 гг. Поблизости от данного помещения с вырубками в полу расположены два тарапана: один, раскопанный экспедицией Р. Х. Лепера в 1912 г., и другой, открытый в 1970 г. (см. далее в тексте настоящей статьи).

⁸ Руководителем раскопок данного объекта был назначен И. С. Пиоро.

хронологическом диапазоне [20, р. 41]. Таким образом, прекращение функционирования данного комплекса следует датировать концом X — началом XI в. В настоящее время не подвергается сомнению время функционирования этого участка поселения в XIV-XV вв., это подтверждается многочисленными фрагментами красноглиняных поливных сосудов [18, с. 130]. Осталось не ясным, откуда здесь появился металлургический шлак. Во всяком случае, его нельзя связать с остатками небольшой купольной печи, сложенной на глине из мелкого камня и фрагментов керамид, располагавшейся в северо-западном углу позднего помещения. Скорее всего, источник этих материалов находился к западу от участка исследования.

В июле-августе 1968 г. Горно-крымской археологической экспедицией Уральского университета под руководством Е. Г. Сулова проводились раскопки дворца мангупских князей⁹. Открытие и начало исследования этого уникального памятника средневековой архитектуры связано с деятельностью экспедиции Херсонесского музея, возглавляемой его директором Р. Х. Лепером, хотя фактически непосредственным руководителем работ был старший рабочий Н. З. Федоров [28, с. 394, 400]. К сожалению, документация и публикация, отражающие ход и результаты этих раскопок, крайне скудны [13, с. 73-79, 146-154]. Раскопки объекта продолжились в 1938 г. совместной экспедицией ГАИМК и Севастопольского музейного объединения. Как отмечал А. Л. Якобсон, продолживший исследования дворца в 1938 г., его предшественник ограничился закладкой неглубоких траншей вдоль стен, причем, на небольшую глубину, в то время как культурный слой в ряде мест достигал толщины 2 м. Основным участком раскопок стали главная постройка дворцового комплекса (здание С по системе обозначений, введенной Р. Х. Лепером) и примыкавшие к нему помещения [29, с. 390-418]. Работы 1968 г. на дворцовом комплексе велись совместно экспедициями УрГУ и БИАМ, причем, в отчете и в публикации они представлены как разведки. Осуществлялись они закладками шурфов и траншей [30, л. 1], что выглядит достаточно странно с точки зрения общих требований методики проведения археологических исследований, тем более на таких городищах, как Мангуп. Очевидно, ограничение масштабов раскрытия памятника была оговорено с Е. В. Веймарном, который в статье Е. Г. Сулова представлен как участник раскопок¹⁰, хотя он всего один раз посетил объект на заключительном этапе работы экспедиции (автор настоящей статьи был участником этой поездки). Вероятно, Е. В. Веймарн весьма сдержанно отнесся к этому проекту, предполагая в дальнейшем самостоятельно провести исследование памятника, к которому он и приступил в 1974 г.¹¹ Столь своеобразные методы исследований Е. Г. Сулова объяснялись поставленной им задачей — проверка вынашиваемой им идеи реконструкции дворца не как асимметричного в плане

⁹ Работы велись с 15 июля по 25 августа, в основном, силами восьми студентов исторического факультета.

¹⁰ См. прим. б: «Разведки проводились экспедицией Уральского гос. университета им. А. М. Горького совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем» [31, с. 97]. В отчете данная ситуация отражена следующей фазой: «По согласованию с Бахчисарайским музеем и старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР Е. В. Веймарном археологические разведки были сосредоточены на плато Мангупа» [30, л. 1], нет упоминания о его участии в раскопках, речь идет только об осмотре башни.

¹¹ В то же время, в июле, когда велись работы Мангупской экспедиции под непосредственным руководством Е. В. Веймарна, одной из ее задач была расчистка руин дворца от зарослей, что следующим образом отмечено в отчете Е. Г. Сулова: «В 1968 г. практикантами Симферопольского педагогического института был вырублен кустарник внутри башни, что облегчило нашу работу по ее исследованию» [30, л. 3].

и не замкнутого с восточной стороны комплекса построек (по А. Л. Якобсону), а как симметричного архитектурного ансамбля, огражденного со всех сторон, с обширным внутренним двором, разделенным на три части двухрядными колоннадами. В этом случае план комплекса напоминал бы огромную базилику, ориентированную по оси юг-север, с выступающей к северу башней-донжоном. Для подтверждения этой гипотезы были прозондированы следующие части комплекса: башня, участок предполагаемого восточного крыла северной стены дворца, южная, внешняя сторона помещения С, участок вдоль стен помещений I² и Н, а также участок предполагаемого нахождения одного из восточных рядов колоннады.

В отчете и в статье указано, что при расчистке основания стены, отходившей к востоку от башни, выявлен фундамент антового выступа, симметричный ранее известному при западной стене [31, с. 99; 30, л. 12-13]¹³, однако в 2006 г. при раскрытии экспедицией ТНУ участка стены к востоку от башни следов основания этот выступ не выявлен. Одним из ключевых моментов в гипотезе Е. Г. Сулова стало предположение о наличии стены, с востока ограждавшей дворец. В опубликованной статье обойдено молчанием зафиксированное в отчете отсутствие при расчистке в предполагаемом месте следов такого сооружения [30, л. 12], также не были обнаружены и следы восточной колоннады возле холма, предположительно скрывавшего руины постройки, симметричной зданию С. Пожалуй, действительно заметным новым результатом раскопок уральских археологов явилось открытие неизвестной ранее постройки к северо-востоку от дворца, обозначенной как помещение Х. Назначение его осталось не ясным, возможно, оно было связано с водоснабжением, так как имелся водосточный желоб, и было привязано к глубокой карстовой полости. Было высказано предположение о том, что по времени данное сооружение предшествовало дворцу и каким-то образом использовалось при его строительстве. К сожалению, понимание этого интересного памятника мешает методика его раскрытия при помощи узких траншей и шурфов.

Несмотря на отсутствие убедительных археологических аргументов в пользу варианта реконструкции дворцового комплекса, предложенного Е. Г. Суловым, тем не менее, благодаря его внешней убедительности и даже «красоте», именно он чаще всего присутствует в путеводителях и научно-популярных публикациях, посвященных Мангупу. Считал его весьма удачным и Е. В. Веймарн, хотя подчеркивал необходимость проведения исследования памятника для окончательного решения проблемы, что признавал и сам автор гипотезы [30, л. 19].

Помимо работ на дворце, уральские археологи впервые провели зондирование оборонительной линии на плато, отсекающей от застроенной территории городища мысы Чуфут-Чеарган-бурун и Чамну-бурун. Были заложены три шурфа: перед фасом одной из куртин и при стыке ее с башней на участке мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Отмечено, что на участке исследований стена поставлена прямо на тонкий культурный слой, а не на материковую поверхность. Как справедливо отметил автор отчета, из-за ограниченности исследованной площади «делать из этого и других наблюдений какие-либо выводы пока преждевременно» [30, л. 18].

¹² В статье, посвященной итогам этих исследований, допущены опечатки. Так, на плане [31, с. 98, рис. 34, I] помещение I обозначено буквой К, а помещение F в тексте буквой Г [31, с. 96]. Текст отчета, представленный руководителем раскопок в Полевой комитет ИА АН УССР, изобилует опечатками.

¹³ В альбом иллюстраций к отчету соответствующая фотография не включена, есть шесть фотографий [30, рис. 28-33], отображающих в разных ракурсах пилон при западной стене, открытый еще раскопками Р. Х. Лепера.

Основной рабочей силой экспедиции Отдела археологии ИА АН УССР, БИАМ и КГПИ сезона 1969 г. опять стали студенты исторического факультета КГПИ¹⁴. Трудности с открытием финансирования экспедиции, традиционные для археологов как советского, так и современного периода, отражены в следующих строках иотчета о полевых исследованиях 1969 г.: «В силу необходимости, боясь остаться без рабочей силы, я начал археологические исследования на Мангупском городище в сроки студенческой практики, базируясь не только на студенческие силы, но и на раскопанный инвентарь, оборудование и автотранспорт Крымского пединститута и Бахчисарайского историко-археологического музея» [24, л. 2]. Следует добавить, что первая половина июля была отмечена исключительно плохой погодой. В течение нескольких дней непрерывно шел дождь, сопровождавшийся сильным порывистым ветром, что существенно затрудняло как полевые исследования, так и быт экспедиционного лагеря.

Одной из задач, поставленных перед экспедицией в полевом сезоне 1969 г., было проведение разведок на плато и пространстве под его обрывами и на склонах. Руководил этими работами М. Я. Чореф, участие в них принял и автор настоящей статьи. На поверхности плато выявлены две винодавильни, расположенные к юго-западу от тарапана, раскопанного в 1912 г. Еще одна найдена в гроте под южным обрывом. Обследована и кратко описана алтарная ниша со следами фрески в пещере МК-2 в верхней части кромки южного обрыва плато [18, с. 134]¹⁵. В верховьях ущелья Гамам-дере среди руин заросших кустарником построек обнаружена архитектурная деталь с изображением двух процветших крестов и слабыми следами однострочной греческой надписи. Было высказано предположение о принадлежности находки христианскому храму, располагавшемуся в данном районе и разрушенному после захвата крепости турками. Это предположение подтвердилось при ознакомлении с планом Мангупа, хранящимся в ЦГВИА России, снятом русскими военными топографами в 1784 г. [34, № 22138]. На нем между известными и подвергавшимися археологическим раскопкам церквями «Богородицы» и св. Георгия показана еще одна церковь, следы которой выявлены уже в процессе осмотра руин городских кварталов в конце 1990-х гг. Обследование пространства под навесом северо-восточного обрыва мыса Елли-бурун показало наличие здесь загонов для скота, а под южным обрывом остатков жилого

¹⁴ Руководителем практики, как и в 1967 г., был назначен заместитель декана В. А. Коростелин. В состав отряда входили заместитель директора по научной работе БИАМ И. И. Лобода, завуч Бахчисарайской вечерней школы рабочей молодежи, опытный краевед, в дальнейшем заведующий отделом «пещерных городов» БИАМ М. Я. Чореф, лаборант Мангупской экспедиции (в тот период студентка I курса исторического факультета КГПИ, третий год работавшая в экспедиции) Г. А. Гайворонская, студент исторического факультета (IV курс) Киевского гос. университета И. С. Пиоро, впоследствии защитивший кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам истории крымских готв. Среди студентов-практикантов был М. И. Золотарев, ставший впоследствии археологом-античником, исследователем Херсонеса и Березани (в последние годы жизни — заведующий кафедрой всемирной истории Черноморского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова), а также Ю. С. Воронин, архитектор и археолог, организатор службы охраны памятников археологии при управлении строительства и архитектуры Крымского областного исполнительного комитета (в 1973-1977 г. участвовал в работе Мангупской экспедиции в качестве руководителя участка исследований усадьбы в верховьях ущелья Гамам-дере в центральной части Мангупского городища).

¹⁵ В статье ошибочно указано, что этот памятник был открыт впервые, на самом деле его описание было сделано еще в конце XIX в. [32, с. 74; последнее описание и чертежи см.: 33, с. 20-21, 83, рис. 30]. Нумерация гротов и скальных навесов Мангупского плато произведена старшим преподавателем СГУ В. П. Душевым в 1977 г., номера проставлены на стенах красной краской.

комплекса с тарапаном, вырубленным в отдельно стоящей глыбе известняка. В естественном гроте под юго-восточным обрывом плато, под так называемой площадкой со склепами, исследованными еще в 1938 г. [9, с. 421-424], обнаружены вырубленные в скале апсида и другие детали пещерной церкви [18, с. 134-137]. Подробное обследование и описание последнего комплекса предпринято в 1995 г. Было высказано предположение о связи его с пещерной церковью и другими сооружениями на «площадке со склепами». Основанием для этого является существование наклонного уступа в обрыве, в средней части которого находится небольшая искусственная пещера, исследованная автором настоящей статьи в 1968 г., рассчитанная на одного человека, вероятно, караульного. Из общей высоты обрыва, достигавшей здесь 18 м, только последние 7 м внизу нужно преодолевать при помощи приставной или веревочной лестницы. Таким образом, здесь существовал двухъярусный культово-погребальный комплекс, обеспечивавший также контроль над коротким подъездом от подъездной дороги на поверхность городища. Было предложено рассматривать эти сооружения как относящиеся к единому комплексу, получившему условное название «Юго-восточный монастырь» [33, с. 16-20, 78-82, рис. 19-29].

Для установления хронологии отдельных участков городища Е. В. Веймарн использовал опыт исследований на Чуфут-Кале во второй половине 50-х гг. XX в. Отсутствие на территории этого городища раннесредневековых напластований объяснялось периодической очисткой поверхности материковой скалы от накопившегося мусора, который сбрасывался на склоны под обрывами. Для проверки этого предположения были заложены в разных местах 18 шурфов общей площадью 300 м². Особое значение исследователь придавал шурфам под юго-восточным обрывом, в районе средней оборонительной стены. По его мнению, полученные здесь материалы не давали основания датировать это ключевое сооружение в оборонительной системе городища временем Юстиниана I, как считало большинство авторов, скорее они указывали на время появления города на плато не ранее X — начала XI в. [36, с. 64-74]. Это, в целом, соответствовало теоретическим установкам, изложенным в упоминавшейся статье 1958 г.¹⁶ Предполагалось, что и под обрывами Мангупского плато могли быть свалки мусора, содержавшие материалы, отражающие ранние этапы истории поселения. Особенно результативной оказалась разведывательная траншея под юго-восточным обрывом мыса Тешкли-бурун на участке в 50 м к северо-востоку от места, выше которого находилась оконечность куртины оборонительной стены цитадели. Обильный археологический материал представлен почти 9 тыс. фрагментов керамики, в основном тарных сосудов от поздней античности до XVII в. Установить стратиграфию культурного слоя, залегавшего на крутом склоне, не удалось. По мнению руководителя экспедиции, материалы из него подтвердили мысль, что первым раннесредневековым укреплением на плато был «замок» на мысе Тешкли-бурун, а перед ним располагался некрополь. В VIII или начале IX в. возникает «Большой Мангуп», а мысовое укрепление становится городской цитаделью [18, с. 137-139]. Следует отметить, что дальнейшие исследования, проводившиеся экспедицией СГУ-ТНУ с конца 70-х гг. XX в. по настоящее время, показали, что позднеантичные и раннесредневековые материалы в большом количестве представлены и на других участках городища, например, в истоках Лагерной балки ниже базилики, в центральной части плато воз-

¹⁶ В дальнейшем эти выводы были критически рассмотрены нами по результатам раскопок на Чуфут-Кале, проводившихся совместной экспедицией СГУ и Бахчисарайского историко-архитектурного музея в 1987-1988 гг. На основании этих работ, а также анализа стратиграфии шурфа № 1 под средней оборонительной стеной, заложенного Е. В. Веймарном, сделан вывод о сооружении стены в конце VI — первой половине VII в. [37, с. 191].

ле так называемой церкви «Богородицы». В 1998 г. был заложен стратиграфический раскоп на всю длину склона, от подножья обрыва мыса до дороги, к северо-востоку от траншеи № 2. Здесь удалось установить стратиграфическую ситуацию, расчленив напластования VI-VII, VIII-X и XIV-XVI вв. Эти исследования не подтвердили гипотезу об эволюции поселения от мысового укрепления [38, с. 371-494; 39, с. 384-432].

В 1969 г. продолжались исследования базилики. Работы велись в ее северном нефе, где были разбиты два квадрата площадью 3,4x3,6 и 5,75x3,8 м. Были сделаны важные наблюдения, касающиеся стратиграфии сохранившихся культурных напластований. Общая мощность культурного слоя составляла на этом участке до 0,85 м. Из них 0,2 м сняты в предшествовавшем полевом сезоне, оставшиеся около 0,65 м удалось расчленить на два слоя, что было весьма важно для установления относительной хронологии базилики. Верхний слой — серая земля, насыщенная фрагментами человеческих костей и мелким камнем. Судя по описи полевого материала, выразительных археологических находок не было. По происхождению, данный слой был определен как строительный мусор. Нижний слой представлял типичный и для других участков поселения надскальный плотный коричневатый грунт. На данном участке он имел толщину до 0,3 м. Отмечено, что он был более насыщен фрагментами человеческих костей и керамики, чем верхний слой. Среди неопределенных керамических находок значатся обломок рифленого сосуда и оплавленный свинец. Здесь зачищены две грунтовые могилы, скорее всего относящиеся к кладбищу, возникшему уже на развалинах храма в период турецкого владения крепостью. Особый интерес представляли захоронения в могиле № 2, врезанной в цоколь стилобата, разделявшего центральный и северный нефы. В ней находились три скелета, лежащие на спине один над другим. С верхним из них связана находка восьми кованых гвоздей, лежавших шляпками вниз (?), а кроме них, слева от черепа лежала «большая железная крестовина» [24, л. 5]. Скорее всего, в ней можно видеть так называемую звездицу, употреблявшуюся в литургии в конце проскомидии для удержания покровов над диском с частичками просфоры. Подобная находка сделана при исследовании захоронения священника в так называемом храме Богородицы в центральной части плато. Погребальный инвентарь этого погребения, датируемый XV-XVI вв., указывал на то, что усопший был священником, служившим при храме [40, с. 123-124]. Вероятно, и в базиличной гробнице также был погребен священник. На территории второго квадрата помимо земляных могил была выявлена плитовая гробница XV, сложенная из архитектурных деталей вторичного использования. По мнению Е. В. Веймарна, она относилась ко второму строительному периоду храма. В ней также находились три скелета, уложенные в три яруса. Стратиграфическая ситуация на этом участке была такой же, как и на предыдущем. Следует отметить, что все выявленные при раскопках базилики в 1969 г. погребальные сооружения были впущены в надскальный слой коричневой земли, насыщенной фрагментами человеческих костей. Неясным оставалось, с какого уровня выкапывались эти могилы, поскольку перекрывавший их грунт убран во время предыдущих раскопок. Судя по тому, что часть могил была врезана в стилобат, они появились после прекращения функционирования храма, когда его территория стала использоваться под кладбище местной христианской общины, жившей под властью турецкой администрации.

В 1970 г. исследования Мангупа продолжались экспедицией ОАК ИА АН УССР и БИАМ в значительно меньших объемах, чем в предыдущие три года. Сократилось количество студентов-практикантов. На Мангуп было направлено 33 человека (остальные проходили практику в Херсонесе). Полевые исследования в 1970 г. продолжались с 1 по 25 июля. Основным их объектом стала, впервые после 1914 г., ци-

тадель на мысе Тешкли-бурун¹⁷. Е. В. Веймарн указал две причины развертывания здесь работ. Первая — это результаты шурфовки, проведенной в предшествовавшем полевом сезоне под юго-восточным обрывом мыса. Обилие обнаруженного при этом раннесредневекового материала убеждало исследователя в правоте его предположения о существовании на мысу раннефеодального укрепления. Вторая — это указание Н. И. Репникова на то, что около восточной оконечности оборонительной стены цитадели, с внутренней ее стороны, он видел следы «постелей» более древней оборонительной стены [41, л. 2-3]. Руководство этим участком исследования возложили на опытного археолога И. И. Лободу. Перпендикулярно юго-восточной куртине, с тыльной ее стороны, был заложен раскоп из 11 расположенных в две линии (А и Б) квадратов общей площадью 120 м². Такая конфигурация участка исследований определялась еще и задачей зондирования пролома в центральной части куртины, к которой примыкали крайние квадраты. Предполагалось, что здесь находилась вылазная калитка. В процессе исследований было установлено, что нижние блоки куртины уложены прямо на поверхность материковой скалы с бугристой поверхностью. До оборонительной стены цитадели на этом месте находилась постройка, от которой сохранился фундамент из крупных, слегка подработанных камней на грязевом растворе. Стена цитадели срезала его северо-западный угол. Таким образом, ориентация этого здания не соответствовала продольной оси, возведенной на его месте куртины. Остатки кладок, выявленных на площади почти всех квадратов, относились к турецкому периоду, хотя в надскальном слое отмечены находки красноглиняных поливных сосудов, датированных с XIV по XVII в. В основном же материалы из верхнего горизонта представлены керамикой XVI-XVII вв., большинство фрагментов принадлежали желобчатой черепице-«татарке». В разделе отчета, написанном И. И. Лободой, осторожно отмечалось, что остатки построек, открытые в квадратах III, IV и V, могут быть датированы до XV в. [41, л. 15]. Результаты исследований на этом участке заставили Е. В. Веймарна поставить вопрос о необходимости пересмотра представления о наличии в основании стены цитадели раннесредневековых кладок [41, л. 27].

Кроме этих работ, в цитадели была проведена расчистка двух оборонительных казематов, вырубленных у края юго-восточного обрыва мыса. Отмечено, что найденный материал относился к позднесредневековому, турецкому, времени жизни цитадели [41, л. 14]. Эти работы явились продолжением начатых в 1938 г. исследований искусственных пещерных сооружений цитадели.

Вторая задача, поставленная перед экспедицией, — исследование памятников хозяйственной жизни поселения. Основные усилия направлялись на зачистки давилен для винограда, как открытых в предшествующие годы, так и вновь открытых. Эта часть работы возлагалась на М. Я. Чорефа. Были проведены зачистки пяти тарапанов. Вторично расчищена давиля № 1, раскопанная в 1912 г. экспедицией Р. Х. Лепера. Возле давиля № 2, открытой в 1968 г. в 100 м к юго-западу от геодезического знака, доследовано найденное, но не расчищенное захоронение. Появилось предположение, что здесь, судя по близости к оборонительной стене (А. XVII), был погребен защитник

¹⁷ При обмерных работах, проводившихся Е. И. Лопушинской в 1967 г., производились небольшие зачистки нижних частей стен здания цитадели, заплывших землей или заросших со времени раскопок Р. Х. Лепера. На международном симпозиуме по охране пещерных сооружений, проходившем в Грузии и Армении в 1982 г., во время экскурсии в Уплисцихе Ю. С. Асеев сообщил автору настоящей статьи, что при подготовке монографии, посвященной архитектуре Крыма, он, кажется, в 1958 г. для удобства обмеров провел зачистку стен октагонального храма, раскапывавшегося Ф. А. Брауном и Р. Х. Лепером.

города, погибший в 1475 г. В 50 м к юго-западу от давилни № 2 в 1970 г. зачищена давилня № 3¹⁸. Еще две винодавилни (№№ 4 и 5) зачищены на скальном уступе в верховьях ущелья Капу-дере, в 40 м к юго-западу от оконечности северо-западной куртины цитадели. На основе материала, обнаруженного при работах на тарапанах, сделан вывод о прекращении их функционирования в период роста территории городской застройки [41, л. 16-21]. В заключительной части отчета Е. В. Веймарн осторожно высказался о возможности датировать давилню VIII-IX вв. [41, л. 27].

Результаты трех полевых сезонов 1967-1969 гг., по мнению Е. В. Веймарна, достаточно убедительно подтвердили его гипотезу, что первоначально раннесредневековое укрепление — своеобразный протофеодальный замок — располагалось на мысе Тешкли-бурун. К югу от него, на восточной окраине плато располагался некрополь. Позже, видимо, в начале IX в. формируется «Большой Мангуп», охвативший основную территорию плато [18, с. 139].

Следует отметить, что накапливаемый на данном этапе археологический материал был фрагментарным, практически не выявлено закрытых комплексов. Отсутствовала сколько-нибудь убедительно разработанная типология отдельных групп средневековой керамики. Датирование находок осуществлялось по аналогиям, не всегда достаточно атрибутированным. Фактически, приходилось ориентироваться на материалы из Херсонеса, опубликованные А. Л. Якобсоном [26; 42; 43], среди которых было немало вещей, не имевших надежного стратиграфического обоснования. Массовый археологический материал из раскопок Мангупа получил отражение только в отчетах об исследованиях, проводившихся в 1938 г. [16, с. 354; 29, с. 390]. Поэтому весьма важным для дальнейшего изучения городища стало введение в научный оборот находок из более ранних раскопок, затронувших такие важные архитектурно-археологические объекты, как базилику и дворец. В основном, эти материалы хранились в фондах БИАМ. Здесь В. Н. Даниленко и А. И. Романчук исследовали поливную керамику из раскопок Р. Х. Лепера, проводившихся в 1912-1914 гг. Несмотря на неудовлетворительное состояние коллекционной описи, не содержащей указаний на стратиграфию и топографию находок в пределах раскрытых памятников, авторы впервые проанализировали и опубликовали эту группу мангупского археологического материала. Ими были учтены такие признаки, как форма сосудов, особенности техники изготовления, качество глиняного теста и глазурного покрытия, стиль и характер орнаментации. В результате находки были разбиты на три группы с выделением внутри каждой из них типологических вариантов. Отмечая предварительный характер выводов, авторы предложили наиболее раннюю группу датировать XIII-XIV вв., вторую — XIV-XV вв., а третью, осторожно, датировать временем не ранее XV в. Впервые ими высказано предположение о местном производстве поливной посуды [44, с. 116-138]. Эта классификация, в значительной мере, сохраняет свое значение и в настоящее время. Некоторые дополнения и коррективы начали вноситься в нее с началом широких исследований цитадели Мангупа с конца 70-х гг. XX в. [45, с. 68-72; 46].

В 1970 г. впервые в исследовании базилики включился руководимый Н. И. Барминой Мангупский отряд археологической экспедиции Уральского университета. Эти работы были продолжены в 1971 г. Исследования на участке перед южной апсидой, сложенной из хорошо отесанных и подогнанных блоков, показали, что здесь под слоем «строительного мусора» находилась материковая скала, без следов вымостки на ней. В 7,2 м к западу от апсиды была расчищена гробница XII без захоронений. Очевидно, здесь все ранние напластования сняты раскопками Р. Х. Лепера.

В центральном нефе сделаны две важные находки. Во-первых, в юго-восточном углу, на поверхности стены, образующей южное плечо апсиды, и примыкающего к ней основания пилястры, обнаружен участок бордюра фресковой росписи 1,3x0,3 м в виде растительного орнамента. Фреску снял О. И. Домбровский и передал на хранение в БИАМ. Во-вторых, установлено, что пол центрального нефа был залит известковым раствором с примесью цемента, на который монтировалась мозаика-найденны отдельные ее кубики. Ранее, в 1970 г., небольшой участок мозаичного пола обнаружен в южной половине нартекса, в углу, образованном западной стеной и пилястрой. К сожалению, эти находки до сих пор не обработаны и не опубликованы. В нартексе базилики расчищена пороговая часть портала южного входа, связавшего нартекс и южную галерею, открытого еще экспедицией Р. Х. Лепера. Тогда фрагменты резных наличников были сняты и вывезены в Херсонес; сейчас они хранятся в Бахчисарайском музее-заповеднике. На месте были оставлены порог и нижний блок основания (с резьбой) одного из наличников. В конце 1970-х гг. они также были сняты и доставлены в БИАМ. На участке у порога четко зафиксированы два уровня вымостки пола, подтвердившие предположение, по крайней мере, о двух строительных периодах в истории базилики [47, с. 356-357].

Работы совместной экспедиции ОАК ИА АН УССР и БИАМ в 1971-1972 гг. продолжались по программе исследований, разработанной Е. В. Веймарном в 1970 г. [27, с. 265-266]. На мысе Тешкли-бурун под руководством И. И. Лободы расчищены и описаны шесть внутрискальных объектов. Это пять однокамерных казематов, вырубленных у кромки обрыва на юго-восточной стороне площадки мыса, и трехкамерный — на северо-западной стороне, известный в дореволюционной литературе как «Судилище» [48, с. 316]. Установлено, что заполнением в казематах была мягкая темная земля, содержащая разнообразный и разновременный археологический материал, не позволявший установить абсолютную дату создания этих сооружений. Очевидно, это позднейшее заполнение отражало тот период, когда казематы уже не функционировали. Зачистка поверхности скалы над помещениями показала, что над ними находились наземные сооружения, в основном, времени пребывания в цитадели турок (до второй половины XVIII в.). Сохранились вырубки в виде гнезд и желобов, а также фрагменты наземных кладок. Для установления назначения пещерных комплексов было сделано важное наблюдение о размещении трех из них в непосредственной близости от расселин в обрывах мыса, по которым можно было, хотя и не без труда, взобраться на плато [49, л. 5-11]. Все помещения были пронумерованы (номера обозначены на стенах красной краской и хорошо сохранились до настоящего времени).

В плане работы экспедиции на 1971 г. предусматривалось обследование других пещерных комплексов, в частности, пещерного монастыря, расположенного в южном обрыве плато, в 300 м к западу от расселины Демир-капу, по которой проходит тропа, ведущая с плато в Адымчокракскую долину [описание монастыря см.: 35, с. 21-26, 37-41]. На краю обрыва площадки грота, с восточной стороны которого находится пещерный храм с фресками, а с западной — келья, проведены зачистки культурного слоя до поверхности материковой скалы. Обнаружены вырубные желоба и небольшой водосборный бассейн прямоугольной в плане формы. Найдены ограничивались невыразительными фрагментами керамики, среди которых выделялись несколько фрагментов поливных мисок с прорезным орнаментом, характерных для XIV-XV вв.¹⁹ Цепь шурфов, заложенных в глубине грота северной стороны

¹⁹ Работы велись М. Я. Чоревым, заведующим отделом пещерных городов БИАМ при участии автора настоящей статьи.

¹⁸ В отчете неточно указано расстояние между этими давилнями — 120 м.

храма, не дала результатов из-за большой толщины слоя щебенки, осыпавшейся со свода, и недостатка времени и сил для завершения раскопок.

В 1973 г. на склоне ниже монастырского комплекса уральскими археологами под руководством А. И. Романчук была заложена разведывательная траншея длиной 15 м. Цель работы — определение времени существования монастыря. Результатом стала находка на поверхности скалы двух погребений без сопровождающего инвентаря. Обнаруженный невыразительный археологический материал датирован суммарно XII-XVI вв. [50, с. 335].

Полевой сезон 1972 г. был последним в раскопках комплекса, получившего обозначение как «усадьба на восточном краю Мангупа». Тогда были разобраны остатки стен небольшого строения, отнесенного к XIV в. Несмотря на незначительную толщину культурного слоя, покрывавшего поверхность материковой скалы, И. С. Пиоро, руководивший этим участком исследований, выделил два горизонта, датировав нижний VIII-IX вв., а вышележащий — «предположительно» X-XI вв. [27, с. 265]. Важный результат раскопок данного комплекса — обнаружение давилни для винограда площадью 5x2,4 м, вырубленной в материковой скале. Появление ее связывалось с первым строительным периодом, а в XIV-XV вв. она уже не функционировала и была забита камнями и мусором. В целом, этот вывод представляется соответствующим современным представлениям о периодизации раннесредневековой истории поселения, хотя пока не удалось в чистом виде проследить такую же стратиграфическую картину на других участках исследований, значительно больших по площади и мощности культурного слоя. Следует отметить, что для установления хронологии исследуемых объектов на юго-восточной окраине плато, Е. В. Веймарн и И. С. Пиоро пытались использовать наблюдения за уровнем уклона скальных поверхностей полов помещений. Так, было замечено, что нижний пол двухкамерной постройки «усадьбы» имел такой же уклон, как и выровненная скальная поверхность, на которой сооружена часовня-усыпальница с двумя гробницами, раскопанная в 1968 г. Что касается второго уровня пола «усадьбы», то он соответствовал углу и направлению наклона скального основания церкви-усыпальницы перед фасом юго-западной куртины цитадели и трехнефной церкви в районе триангуляционного пункта (раскопки 1967-1968 гг.). Отсюда выдвигалось предположение, что постройка перед цитаделью могла возникнуть в X-XII вв., то есть в период «Большого Мангупа», когда укрепление на мысу потеряло свое оборонительное значение. Разницу в наклонах поверхности плато авторы объясняли влиянием землетрясений, приводившим к смещению известнякового массива по мергелиевому основанию, образующему пологие склоны плато. Эта интересная идея должна быть подкреплена серьезными геологическими исследованиями. Требуется также точная инструментальная съемка сравниваемых объектов, что стало возможным лишь в последние годы с появлением новейших технологий.

Раскопки базилики в полевом сезоне 1972 г. продолжались отрядом экспедиции УрГУ, но в связи с отсутствием Н. И. Барминой, проводившей исследования памятника с 1967 г., руководство работами взяла на себя А. И. Романчук. Основываясь на предположении Е. В. Веймарна, что гряда земли и камня в центральной части южного нефа является единственным оставшимся после раскопок Р. Х. Лепера нетронутым участком культурного слоя базилики, А. И. Романчук решила доследовать его²⁰. Возле гробницы, исследованной в 1912 г., выявлена вымостка из керамид без клейм, в основ-

²⁰ Это предположение не подтвердилось: на фотоснимке, сделанном А. Л. Бертье-Делагардом в период раскопок Р. Х. Лепера, хорошо видно, что этот участок, как и остальная территория храма, зачищен под один уровень, совпадавший с уровнем порога главного входа [51, с. 28-29, рис. 8].

ном, с бортиками треугольного сечения, которые, по мнению А. И. Романчук, сходны с херсонесскими, датированными IX-X вв. [52, с. 328]²¹. Около стены южной галереи раскрыты две гробницы: одна — вырубленная в скале и перекрытая плитой, другая — заглубленная на 0,2 м в материк и надстроенная известняковыми плитами на растворе. Похожий раствор отмечен на некоторых участках стены галереи. В предварительной публикации ничего не говорится о погребениях в упомянутых гробницах. Очевидно, они отсутствовали, поскольку были затронуты предшествующими раскопками.

Действительно, новым шагом в изучении базилики стали работы в южной галерее, в меньшей мере, чем другие части храма, затронутой предшествующими раскопками. Ее ширина — 3,2 м, при толщине внешней стены 0,7-0,75 м. Выявлены три слоя, которые суммарно датированы X-XV вв. Продолжение исследований галереи в следующем полевом сезоне позволило проследить дневную поверхность времени, когда этот участок базилики функционировал как кладбище. Открыты шесть погребений и разрозненные кости от разрушенных захоронений. Ниже залегал слой разрушения, насыщенный камнем и фрагментами черепиц. Еще ниже на поверхности материковой скалы залегал слой, состоявший исключительно из черепиц, многие из них были закопаны, а в восточной части завала найдены остатки обуглившихся балок. В раскопанной части галереи обнаружены три поперечные стенки, делившие галерею на отсеки, назначение и время образования которых осталось неясным. Хронологические выводы А. И. Романчук, как и ранее, попыталась сделать на основании хорошо известного ей по раскопкам в Херсонесе кровельного керамического материала, а также находок грушевидных амфор с высоко поднятыми ручками, встречающихся в горизонте XIII-XIV вв.²² Что касается черепицы, автор, также опираясь на херсонесские аналогии форм и меток, датировала их XI-XIII вв. [50, с. 334-335; 55, с. 181-192]. Несомненно, не только подбор аналогий, но и соображения концептуального характера стали основанием для хронологических выводов исследовательницы, и в последующие годы работавшей на Мангупе по открытому листу Е. В. Веймарна.

А. И. Романчук, со свойственным ей энергией и решительностью, начала также исследования руин жилой застройки, окружавшей базилику²³. На участке между базиликой и княжеским дворцом, по предварительной оценке, располагались шесть усадеб, предположительно функционировавших в XIV-XV вв. Была раскопана двухкамерная постройка и дворик на территории одной из них. Отмечено, что стены сложены из блоков, взятых из разрушенной базилики. Стратиграфия культурного слоя в помещениях охарактеризована следующим образом: верхний слой отнесен к XV-XVI вв., второй, связанный с разрушением раннего здания и содержащий фрагменты поливных сосудов с врезным орнаментом, — к XII(?)—XIV вв., нижний, надскальный, слой по фрагментам амфор с зональным рифлением (?) — к IX-XI вв. Шурфы на других усадьбах, по мнению А. И. Романчук, «...не дали слоев ранее X-XI вв.» [52, с. 328]. Эти явно предварительные определения сделаны на основании текущих наблюдений в процессе раскрытия объектов и, главным образом, на основании теоретических взглядов, которые исследовательница, опирающаяся на опыт Херсонеса, но мало знакомая со спецификой Мангупа, заимствовала у наиболее авторитетного

²¹ В 2004-2005 гг. фрагменты этой вымостки были обнаружены в западной и юго-западной частях центрального нефа. По нашим наблюдениям, использованные в ней черепицы относятся к 1-й группе, по мангупской классификации, и датируются XIV-XV вв.

²² Очевидно, подразумевались амфоры класса 48 по новейшей херсонесской классификации [см.: 53, с. 78-81, табл. 43-44; 54, рис. 86].

²³ Руководителем на этом участке исследований была Л. А. Омелькова.

специалиста по археологии «пещерных городов» — Е. В. Веймарна²⁴. Продолжение работы на данном участке в 1973 г. привело к более определенному представлению о разворачивании здесь интенсивного строительства уже после разрушения базилики. Был сделан вывод о трех строительных периодах в жизни усадьбы, суммарно датированных XV-XVII вв., что подтверждалось находками монет Крымского ханства (атрибуция монет не приведена) [50, с. 335].

Для уточнения ситуации важное значение имело продолжение раскопок на данном участке в 1974 г. По наблюдениям Л. А. Омельковой, в ходе исследования усадьбы было выявлено несколько периодов. К наиболее раннему относилась печь-тандыр (диаметром 1,5 м), по периметру обложенная обломками черепицы. Пол состоял из слоя мергеля глины, поверх которого уложена черепица так называемого татарского типа, затем — обмазка из огнеупорной глины. Эта печь построена на месте более ранней, но такой же по габаритам. Причем, в ее конструкции наряду с «татаркой» использовались фрагменты керамид, аналогичных из раскопок базилики. Ко времени функционирования печи относятся остатки вымостки из бутового камня, сохранившейся около северной и южной стен усадьбы, выложенной в более позднее время. Вероятно, во время существования этой печи или несколько позднее здесь были построены еще две круглые в плане печи, перекрытые западной и восточной стенами позднего здания. Здесь найдено большое количество кусков железного и стекловидного шлака. Стены здания, синхронного данной группе печей, разобраны в следующий строительный период. Поздняя усадьба состояла из двухкамерного здания (7,4x4,4 и 7,6x4,4 м) и двора (6x4 м). Стены помещений сложены из блоков, взятых из стен базилики. В поздней усадьбе имелись печи прямоугольной в плане формы. Одна из них (0,9x0,7 м) находилась во втором помещении, другая (1,45x1,7 м) — с внешней стороны южной стены этого помещения. Вывод автора предварительной публикации о датировании исследованного комплекса XIV(XV)-XVII вв., сделанный на основе «изучения керамического и нумизматического материала», буквально повторял формулировку руководителя экспедиции УрГУ [56, с. 334]. Однако даже из краткого описания ситуации на участке исследований явствует, что открытые памятники относятся к позднему периоду жизни поселения — к XVI-XVIII вв., что подтверждается и материалами отчета о раскопках. В заключительной части отчета констатируется: «После раскопок и разведок 1972-1974 гг. можно с уверенностью сказать, что все видимые в настоящее время здания, расположенные к юго-востоку от базилики, были построены после ее разрушения. В значительной степени материалом для возведения их стен послужили блоки со стен разрушенной базилики» [57].

В 1973 г. Е. В. Веймарн, осуществляя общее руководство экспедицией²⁵, лично занимался описанием памятников в центральной части городища, ограничиваясь небольшими зачистками²⁶. Были обследованы два небольших кладбища, зафиксировано более 70 надгробных памятников домообразной и плитовой форм, предваритель-

²⁴ Следует отметить, что как результаты исследований 1938 г., так и последних лет показали: во-первых, малочисленность в пределах городища артефактов IX-XI вв., особенно в западном районе, где расположены базилика и дворец; во-вторых, что в надскальном слое здесь абсолютно доминируют материалы позднеантичного и раннесредневекового времени (до VIII в.).

²⁵ В 1973-1974 гг. Е. В. Веймарн официально являлся руководителем Мангупского отряда Крымской экспедиции ОАК АН УССР, в который входила группа СГУ (руководители В. Н. Даниленко и А. Г. Герцен). Исследования базилики и усадеб в ее окрестностях проводились мангупским отрядом экспедиции УрГУ по открытому листу А. И. Романчук.

²⁶ В этой работе участвовала в качестве лаборанта заведующая библиотекой ОАК АН УССР В. Н. Долгополова.

но датированных XIV-XV вв. Особенно интересен некрополь возле так называемого «Храма Богородицы», раскопки которого начал еще Р. Х. Лепер, но не завершил из-за начала мировой войны²⁷. Условное название церкви связано с тем, что академик П. С. Паллас в конце XVIII в. видел в её полуразрушенной апсиде изображение Богородицы. Хотя следует отметить, что автор не указал точно, в какой из двух упомянутых им полуразрушенных церквей сохранился «прекрасный образ Марии» [58, с. 64]. Данная церковь сохранилась лучше всех других наземных церквей Мангупа. Еще в середине XIX в. стены ее были почти на полную высоту, что запечатлено на рисунке художника Вебеля, который по поручению графа А. С. Уварова готовил материалы к изданию альбома крымских древностей, к сожалению, так и не опубликованного. Этот памятник может быть отождествлен с церковью св. Константина, которую посетил польский дипломат Мартин Броневский в 1578 г. [59, с. 167, 195]. Еще в 1912 г. на некрополе возле церкви выявлены надгробия с изображениями, одно из них (с весьма реалистичным рельефным изображением сабли в ножнах и с ремнями портупей) было тогда же опубликовано и повторно раскрыто в 1973 г. У юго-восточной стороны апсиды церкви зачищена ранее не известная винодавильня, вырубленная в материковой скале, явно предшествовавшая храму [60, с. 255].

В связи разворачиванием археологических исследований на различных участках плато становилась очевидной необходимость его топографической съемки. До этого времени использовалась план-схема 1938 г., восходившая, в свою очередь, к плану, составленному А. Л. Бертъе-Делагардом на основании военной карты-верстовки [51, с. 10-11, рис. 2; 9, с. 421, рис. 2; 18, с. 124, рис. 1]²⁸. Проводилась глазомерная съемка с помощью медной кавалерийской буссоли (А. Г. Герцен, 1968 г.; Е. В. Веймарн, Г. А. Гайворонская, 1971 г.) и начата инструментальная съемка (Г. Г. Герцен, 1972 г.)²⁹. На план были нанесены: дворец, семь церквей, шесть кладбищ, основные улицы в центральной и восточной частях городища, часть кварталов в западном районе, основное кольцо обороны и памятники, открытые на мысе Тешкли-бурун и восточном краю городища [27, с. 265-266]. Съемка продолжилась в 1973 г. (Ю. С. Воронин), однако полностью инструментальный план поверхности плато и части территории в верховьях ущелий, прорезающих северную часть массива, в масштабе 1:1000 был снят Е. А. Чикалкиным в 1977 г. В дальнейшем он стал основой для составления отчетных экспедиционных материалов и публикаций.

С 1969 г. автор настоящей работы начал изучение уже известных оборонительных сооружений, а также приступил к поиску остатков стен на необследованных ранее участках мысов и ущелий плато. До этих исследований в литературе утвердилось представление, что пояс стен и башен периода жизни княжества Феодоро (XIV-XV вв.) и турецкого владычества (XVI-XVIII вв.), пересекающий плато по ли-

²⁷ Доследование церкви «Богородицы-Константина» проведено экспедицией СГУ в 1992-1993 гг. Было установлено, что церковь функционировала до первой половины XVII в. и была последним действующим храмом мангупской христианской общины, полностью исчезнувшей к середине этого столетия.

²⁸ В конце 1928 г. в качестве топографической основы для нанесения памятников городища был подготовлен план, представлявший увеличенную в 50 раз копию карты-верстовки Генерального Штаба [Архив ИИМК, Р-1, № 118*].

²⁹ Герцен Герман Германович (1925-2012), отец автора статьи. Тогда он был кадровым офицером-артиллеристом, командиром дивизиона; его основная военная специальность — АИР (артиллерийская инструментальная разведка), поэтому он прекрасно владел геодезической техникой. После демобилизации он еще более 30 лет работал инженером-геодезистом в УкрГИИТИЗ (Симферополь).

нии юго-запад — северо-восток и отделяющий от застроенной территории мысы Чамну-бурун и Чуфут-Чеарган-бурун, совпадает с укрепленной линией раннего средневековья. Отмечалось, что ранние квадратные кладки прослеживаются в верховьях Капу-дере и в нижней стене в Табана-дере (А. Л. Якобсон), которая определялась как передовая. В принципе соглашаясь с такой интерпретацией главной линии обороны, Е. В. Веймарн отмечал, что визуально квадратная кладка раннесредневекового облика прослеживалась лишь на небольшом участке в районе пилона главных крепостных ворот в верховьях ущелья Капу-дере (укрепление А.ХVI)³⁰. В то же время, основываясь на разведках 1938 г. и надписи 1502 г. (так называемая «надпись Цулы»), нижнюю стену в Табана-дере он считал поздней, построенной турками в качестве передовой линии. Правда, по словам Е. В. Веймарна, еще до Великой Отечественной войны было известно о существовании остатков оборонительной стены на восточном склоне мыса Чамну-бурун, но ее значение оставалось не ясным без выявления других элементов оборонительной системы.

В результате разведок 1970-1971 гг. обнаружены новые звенья крепостного ансамбля Мангупа. Остатки пяти укреплений выявлены в расселинах на западном склоне мыса Чамну-бурун, двух — на западном склоне мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Постели ранней стены обнаружены на западном склоне мыса Елли-бурун, ниже оборонительной стены с башней, господствовавшей над средней частью балки Гамам-дере. Особенно важным для понимания структуры фортификационного комплекса стало обнаружение во время разведок в марте 1971 г. остатков оборонительной стены, перекрывавшей устье балки, впадавшей с юго-западной стороны в ущелье Гамам-дере³¹. На склоне перед фасом стены найдены фрагменты гранитных ядер, позволившие определить участок, на который был направлен основной удар турецких войск в период осады 1475 г. Это подчеркивало значение данного оборонительного звена в крепостном комплексе [27, с. 265; 61, с. 381]. Данные открытия позволили принципиально по-новому в общих чертах реконструировать в общих чертах контуры главной крепостной ограды [62, с. 88-104; 23, с. 102-125]³². Она состояла из отдельно расположенных укреплений, которые перекрывали доступные

³⁰ На самом деле, наше обследование показало, что квадратная кладка составляет нижний ярус лицевого панциря укрепления А.ХVI на всем его протяжении.

³¹ К настоящему времени укрепилось название этой балки — «Лагерная», связанное с традиционным (с 1968 г.) размещением экспедиционного лагеря над её верховьями, на поляне перед фасом второй оборонительной линии.

³² В мае 1971 г. в БИАМ состоялось выездное заседание Отдела археологии Крыма, на котором автор делал доклад о разведках на территории Бахчисарайского района, в том числе и о новых открытиях памятников системы обороны Мангупа. На нем присутствовали О. И. Домбровский, Э. И. Соломоник, Е. В. Веймарн, В. Н. Даниленко, О. А. Махнева. Принимал в нем участие и А. Л. Якобсон. В обсуждении доклада выступил В. Н. Даниленко и со свойственной ему обстоятельностью рассказал о том, что еще в середине 60-х гг. он и С. Ф. Стржелецкий также пытались найти следы крепостных стен на окраинах Мангупского плато, однако это им не удалось. Теперь же он убедился, что их предположение было правильным и стены действительно существовали. В дальнейшем, когда Виталий Николаевич перешел на работу в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе и стал преподавать несколько курсов (основы археологии, историю первобытного общества, историю древнего мира, основы этнографии, историческую хронологию и др.), он вспомнил о нашей встрече в Бахчисарае и рекомендовал руководству университета (ректор А. Ф. Переход, проректор по научной работе и заведующий кафедрой истории Украины И. С. Чирва) пригласить меня на должность преподавателя кафедры истории Украины для чтения курсов истории первобытного общества и основ этнографии. Это состоялось в октябре 1972 г.

для подъема участка, прежде всего верховья ущелий, прорезающих северную часть плато. Кроме того, защищались расселины в обрывистых склонах и участки, где линии обрывов прерывались ступенчато-террасными структурами (на южной окраине плато). Таким образом, защищаемый контур плато имел общую протяженность 6,6 км, из которого в общей сложности 1,5 км приходилось на искусственные фортификации, а остальные составляли естественные обрывы.

Итак, к началу систематических раскопок оборонительных сооружений городища были накоплены данные о существовании крепостного полигона, в который включалась вся поверхность плато и верховья ущелий. Эта система создавалась с максимальным учетом естественных факторов неприступности. В ней четко проявились три укрепленных линии. Первая — внешняя, обеспечивавшая оборону уязвимых мест всего контура плато и максимально подчиненная своим начертанием естественным рубежам. Вторая — непрерывный пояс стен с башнями, протянувшийся от юго-западного обрыва до западного края Гамам-дере; в ее начертании менее всего учтены особенности местности. И, наконец, укрепление на мысе Тешкли-бурун, являвшееся цитаделью³³. Выбор места для нее был подсказан естественной конфигурацией плато. Различия в технике строительства и тактических решениях этих поясов наглядно свидетельствовали о разновременности их появления. Однако для установления хронологии крепостного строительства требовалось проведение широких археологических исследований.

В 1971-1972 гг. раскопки велись на остатках укрепления А. XIV, представлявшего задернованный развал камней, протянувшийся от обрыва Таврского мыса³⁴ до начала неприступного склона мыса Чуфут-Чеарган-бурун. Для проведения работ был выбран участок в северной части вала, где он проходил по одному из уступов склона мыса. Раскопом был сделан поперечный разрез через вал и пространство рядом с ним. Установлено, что сохранившаяся кладка стены имеет толщину 1,7 м. Ее лицевой панцирь сложен из квадров, забутовка — из необработанного камня на известковом растворе с песком и керамической крошкой. Отметим, что был выявлен надскальный слой, густо насыщенный разложившимся известковым раствором, в котором немногие находки представлены в основном амфорами типа «Истрия» [амфоры класса 18 по: 53, с. 38-40, табл. 14-16]. Слой этот явно сформировался в процессе строительства стены. Однако важность данного факта для установления даты создания укрепления не была сразу оценена. Перед фасом стены найдены многочисленные фрагменты гранитных ядер (диаметр 42 см). В лицевом панцире выяв-

³³ Для удобства обозначения элементов оборонительной системы был предложен следующий порядок их нумерации. Укрепления главной линии обороны (ГЛО) обозначаются в текстах и на чертежах буквой А, второй линии обороны (ВЛО) — буквой В, цитадель — буквой С. Римские цифры указывают номера укреплений, арабские — номера башен, буквами обозначаются отдельные куртины. Нумерация идет с запада на восток. Под укреплениями для ГЛО понимаются сплошные оборонительные линии, опирающиеся флангами на неприступные обрывы. ВЛО (линия В) и цитадель (С) рассматриваются как отдельные укрепления.

³⁴ В начале 70-х гг. XX в. было предложено называть Таврским мысом обрывистый выступ плато между Лагерной балкой и верховьями ущелья Гамам-дере. По словам Е. В. Веймарна, во время работы экспедиции ИИМК 1938 г. здесь была вырыта траншея для захоронения бытового мусора. При этом, в выбранном грунте встречены фрагменты лепных сосудов черного цвета с гладкой лощеной поверхностью. Эти находки тогда определены как таврские, а место получило в обиходе сотрудников экспедиции обозначение «Таврский пяточок». В настоящее время нет данных о наличии на плато следов сколько-нибудь значительного таврского поселения. Упомянутая лепная керамика такого облика обычно встречается в горизонтах позднеантичного и раннесредневекового времени, а также в соответствующих погребальных комплексах.

лена брешь, образовавшаяся в результате попадания ядра. В завале камня с тыльной стороны этого участка обнаружен скелет мужчины, вероятно, погибшего при обстреле. Результаты этих разведывательных исследований показали необходимость широкого раскрытия памятника, а также других звеньев оборонительной системы для установления основных этапов функционирования поселения.

Возможность приступить к решению этой задачи появилась в 1973 г., в связи с переходом автора настоящей статьи на работу из БИАМ в СГУ им. М. В. Фрунзе на кафедру истории Украины. При составлении планов проведения летней учебной археологической практики на 1972-1973 учебный год доцент кафедры, археолог В. Н. Даниленко поддержал предложение провести ее на Мангупе полным составом студентов I курса, а главным объектом раскопок определить вновь открытые участки оборонительной системы городища и, прежде всего, руины укрепления А. XIV. Таким образом, в 1973 г. существенно расширилось участие СГУ в работах Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии и БИАМ. В июле-августе в раскопках участвовали студенты-практиканты и студенты старших курсов, специализировавшиеся по археологии, — в общей сложности около 100 человек. Руководил экспедицией Е. В. Веймарн, группу БИАМ возглавлял заместитель директора по научной работе И. И. Лобода, группу СГУ — доцент В. Н. Даниленко и преподаватель А. Г. Герцен.

Основное внимание сосредоточилось на изучении остатков оборонительной линии у восточного края мыса Чуфут-Чегарган-бурун, ее лицевая сторона была зачищена на протяжении более 150 м. Эти работы продолжались и в 1974 г. Установлено, что оборонительный рубеж имел в плане форму входящего угла (тенальное начертание). Укрепление состояло из трех куртин, лицевая сторона которых сложена из крупных (0,3x0,4x0,5 и 0,4x0,5x0,7 м) хорошо обработанных квадров из местного известняка, по-ложенных на известковом растворе. Толщина стен — от 1,3 до 3 м. Местами кладка сохранилась на высоту пяти-шести рядов. Выяснено также, что в этом фортификационном узле прослеживаются, по крайней мере, два строительных периода. Археологические материалы, полученные при этих раскопках, представлены, в основном, фрагментами керамики, накопившейся за линией крепостных стен в результате смыва с плато по руслу Лагерной балки. Подавляющее большинство фрагментов принадлежало позднеантичным и раннесредневековым амфорам, обстоятельная классификация и хронология которых в 1970-е гг. только разрабатывалась, однако стало ясно, что верхняя дата этих материалов не выходит за пределы VII в. Тем не менее, предварительно время сооружения стены было определено в рамках IX-X вв. [60, с. 255]. Такой вывод не являлся результатом анализа находок и архитектурных особенностей сооружений, скорее, это было следование гипотезе, которой руководствовался руководитель экспедиции и разделяли его ученики и сотрудники. Дальнейшие исследования на данном и других объектах, накопление массового материала, его обработка и подборка надежно датированных аналогий заставили пересмотреть данные позиции и выработать иную концептуальную схему. Однако это произошло позже, в конце 1970-х гг.

Полевой сезон 1974 г. отмечен рядом новых моментов в организации исследований. В составе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР по открытому листу Е. В. Веймарна Мангупский отряд Крымской экспедиции УрГУ (общее руководство А. И. Романчук) продолжал исследование базилики, теперь уже под руководством Н. И. Барминой и при участии заместителя декана исторического факультета Н. Ф. Шилюк. Раскопки усадьбы около базилики, как отмечалось, вела Л. А. Омелькова. Группа СГУ продолжала работу на укреплении А. XIV

в Лагерной балке (руководители А. Г. Герцен и В. Н. Даниленко). Е. В. Веймарн с Л. И. Ивановым приступил к исследованиям дворца в центральной части Мангупского плато.

В западной части южной галереи базилики к 1973 г. оставался не раскопанным участок культурного слоя мощностью от 0,95 до 1,2 м, частично затронутый в 1912 г. Непосредственно под засыпью шла материковая скала. Здесь открыты вырубленная в материке могила, потревоженная предшествующими раскопками, и две плитовые гробницы возле южной стены галереи. В зачищенном срезе, являющемся границей участка, раскопанном Р. Х. Лепером, удалось проследить стратиграфическую колонку южной галереи: на высоте до 0,15 м над материковой скалой — уровень нижнего пола; слой пожара мощностью до 0,7 м; слой строительства (до 0,8 м), перекрытый уровнем верхнего пола; засыпь от предыдущих раскопок (до 0,6 м). Первый слой прослежен и на участке, исследованном Р. Х. Лепером.

Раскрытие центрального участка южной галереи в следующем полевом сезоне дало следующую стратиграфическую ситуацию, отличавшуюся от прослеженной в западной³⁵. Первый слой — дерн (до 0,6 м), второй — уровень верхнего пола позднего помещения, возникшего после разрушения базилики, третий — «слой погребений» (до 0,8 м) с шестью погребениями, совершенными после разрушения галереи, четвертый — слой пожарища (до 0,5 м), пятый — уровень нижнего пола (до 0,15 м), совпадающий с плитами гробниц, вырубленных в скале. Всего в западной части галереи было открыто шесть таких гробниц, расположенных в оси храма. По предположению Н. И. Барминой, эти гробницы относились к раннему этапу существования базилики. После разрушения храма, видимо, в результате пожара южная галерея не восстанавливалась и постепенно превращалась в кладбище. Позднее на этой территории возникло жилое помещение, на что указывают находки кухонной и столовой посуды XIV-XV вв. [63, с. 301-302].

Участок галереи, не затронутый предшествующими раскопками, с востока был пересечен стеной (пятой по счету) толщиной 0,95-0,98 м, сложенной из блоков вторичного использования и бутового камня. В отличие от четырех ранее открытых поперечных стен, она стояла не на материковой скале, а на плотном слое черной земли толщиной 0,4 м. При зачистке подошвы верхнего пола обнаружено большое количество обломков кухонной посуды. Фрагменты поливных сосудов, найденные на этом участке, датированы исследователями XIII-XV вв. [64, с. 259].

В 1974-1975 гг. подверглась раскопкам также восточная часть базилики. При исследовании внешней стороны центральной апсиды было высказано предположение, что к востоку от храма и после разрушения последнего продолжало функционировать кладбище. В подтверждение указывалось наличие здесь многочисленных надгробий. Кроме того, были раскопаны две гробницы, пристроенные к южной грани апсиды и датированные по поливным сосудам XVI-XVII вв. Под ними обнаружены плиты перекрытия нижних гробниц, относящихся ко времени существования базилики [64, с. 259]. Думается, что вопрос о существовании некрополя нуждается в дополнительном исследовании, поскольку «многочисленные надгробия», скорее всего, оказались здесь перед началом первых раскопок; в отчете Ф. А. Брауна указано, что надгробия, стоявшие на холме, скрывавшем руины базилики, были сдвинуты по его сторонам.

При зачистке забутовки стен апсиды, по мнению Н. И. Барминой, подтвердился сделанный ранее вывод о двух строительных периодах базилики. Однако в

³⁵ В статье, посвященной работам 1974 г., стратиграфия описана начиная с нижнего слоя, а работам 1975 г. — с верхнего.

следующем полевом сезоне³⁶, ставшим одним из самых плодотворных на данном этапе исследования базилики, уже пришли к выводу о трех периодах [63, с. 302]. Поводом для этого стали результаты исследований алтарной части. Установлено, что центральная апсида базилики неоднократно подвергалась перестройкам. На основании открытия под северо-восточной частью апсиды дугообразного фундамента выдвинуто предположение, что первоначально апсида имела полукруглую форму как с внутренней, так и с внешней стороны, затем с внешней стороны она приобрела трехгранную форму. Исключительную важность имело обнаружение при зачистке пазухи между внутренней стороной кладки синтрона и полуциркулярной стеной собственно апсиды остатков штукатурки со следами фрески [63, с. 302]. Таким образом, стало очевидным, что синтрон относится не к первому, а к одному из последующих строительных периодов и, скорее всего, смонтирован вместе с сохранившейся вымосткой солеи, в которой есть плиты явно вторичного использования³⁷.

Еще одним важным результатом работ 1975 г. стало открытие участка (0,8x0,7 м) раннего мозаичного пола между солеей и северным стилобатом. Рисунок мозаики в виде перекрещивающихся кругов, образующих кресты с ветвями в виде лепестков, имел сходство с известными мотивами в храмах Херсонеса (например, базилика 1935 г.). Мозаика содержала следы пребывания в пожаре и ремонта³⁸.

Наконец, в восточной части северного нефа проведено исследование гробницы № 16, верхнюю часть которой, сложенную из бутового камня, раскопал Р. Х. Лепер. Под ней оказалась более ранняя гробница с четырьмя скелетами, ориентированная не по оси базилики, и это позволило предположить, что она по времени предшествовала строительству храма. Тем более, что зачистка дала фрагменты раннесредневековых амфор с зонами мелкого рифления и позднееримского стекла [63, с. 302].

Любопытно, что в начале предварительной публикации о результатах исследований базилики в 1975 г. ее авторы заявили о завершении изучения базилики внутри ее стен [63, с. 301]³⁹. В дальнейшем, до 1979 г. археологические исследования переместились на территорию, примыкавшую к базилике. На участке за южной апсидой были открыты две гробницы. В одной из них (№ 35) находилось 13 черепов и пять полных скелетов. Детский браслет синего стекла, найденный в этой гробнице, пристроенной к южной апсиде, датирован Н. И. Барминой по херсонесским аналогиям «после X в.», на основании чего делался вывод, что гробница, пристроенная к апсиде, сооружена «почти одновременно с южной апсидой, то есть не ранее X в.».

³⁶ В 1975 г. исследования базилики велись Крымской экспедицией Пермского университета и Мангупским отрядом УрГУ под общим руководством Н. И. Барминой, ставшей аспирантом профессора В. Т. Сиротенко.

³⁷ Солея и основание амвона зачищены и зафиксированы во время раскопок 1967-1968 гг. К настоящему времени в наосе под ними находится последний не затронутый раскопками участок раннего культурного слоя. В 2005 г. Н. И. Бармина для консервации засыпала раскопную еще в 1967 г. солею землей.

³⁸ Снятие мозаики и ее последующий монтаж на новую основу осуществил В. Линюк, впоследствии основавший голографическую лабораторию Херсонесского музея. К сожалению, в 1977 г. мангупская мозаика, как и многие другие материалы мангупских экспедиций, погибла в результате пожара в здании загородного дома Воронцова в Симферополе, возникшего из-за нарушения правил проведения сварочных работ.

³⁹ Тем не менее, до 2005 г. включительно раскопки на территории храма продолжались и выявляли не известные ранее участки культурного слоя и погребения. С 1992 г. отряд уральских археологов включился в состав экспедиции СГУ — ТНУ.

Говорилось, что данная апсида более поздняя, чем центральная, и первоначально базилика имела только одну апсиду [65, с. 296].

Другим участком исследований стала территория за северной галереей. За восточным приделом, известным еще по раскопкам 1938 г. [16, с. 388, рис. 58], открыто еще одно помещение («а»), которое при исследовании в следующем полевом сезоне оказалось часовней [66, с. 298]. Стратиграфия участка была следующей: первый слой (верхний) — отвалы предыдущих раскопок; второй — слой разрушения, насыщенный камнем; третий — слой, связанный с функционированием помещений. Поверхность последнего совпадала с плитами перекрытия пяти гробниц, которые использовались как костницы. Во втором слое помещения «а» среди обломков архитектурных деталей обнаружены две раннесредневековые мраморные капители. Найдена также каменная ванна с круглым отверстием для стока воды — предполагаемая купель. Под ней — дисковидная каменная плитка с греческой надписью [65, с. 297].

В следующем полевом сезоне (1978 г.) стояла задача установить связь храма с выявленными ранее остатками сооружений, примыкавшими к его стенам с южной, восточной и северной сторон, а также с окружающими усадьбами⁴⁰. Установлено, что с южной стороны не было каких-либо построек, примыкавших к южной галерее. На восточном участке раскрыты 22 надгробные плиты, три грунтовых погребения и гробница (№ 45). Последняя, расположенная за центральной апсидой в оси с храмом, вырублена в скале, выложена и перекрыта известняковыми плитами. Под ними находилось семь скелетов, лежавших на спине, и пять обломков стеклянных браслетов. В северо-восточной части этого участка кладбище разрушено постройками, появившимися, вероятно, в турецкое время. Руководители раскопок ситуацию на данном участке посчитали открытием многослойного кладбища, возникновение которого, возможно, относилось к начальному периоду существования базилики. Однако, как уже отмечалось, вряд ли речь может идти о существовании с этой стороны храма сколько-нибудь значительного некрополя, кроме гробниц, непосредственно связанных с храмом. Весьма выразительно свидетельствует против этого предположения соотношение на участке грунтовых погребений (3) и количества надгробий (22). Для решения этого вопроса необходимо дальнейшее раскрытие территории к востоку от храма.

Перед северным плечом апсиды обнаружена печь овальной в плане формы (2,0x1,7 м) для обжига извести, сложенная из квадров, взятых из стен базилики. Высказано предположение, что печь связана с расположенной рядом позднесредневековой усадьбой. Не исключено, однако, и более позднее ее происхождение. Есть сведения, относящиеся к началу XX в., о том, что мангупские надгробия пережигались на известь [67, с. 171-172]. Что касается часовни на восточной оконечности северной галереи, то выяснилось, что она имела два строительных периода. По времени первый период, возможно, предшествовал появлению большой базилики, а второй совпадал с ее существованием. В XV в. на руинах часовни формируется кладбище [66, с. 298]. Эти выводы имели решающее значение для разработки новой гипотезы об этапах эволюции базилики как сложного архитектурного комплекса. В соответствии с ней предполагалось, что базилике предшествовал относительно небольшой храм, возможно, сопровождавшийся еще какими-то постройками, затем возводится базилика в нынешних ее габаритах, поглощая и присоединяя к себе более ранние культовые сооружения. После окончательного разрушения базилики в

⁴⁰ Организационно работы велись совместной экспедицией УрГУ и ЧГУ под общим руководством Н. И. Барминой, работающей в это время в Челябинске.

XV в. вокруг ее руин создаются жилые усадьбы [66, с. 299]⁴¹. Эта хронологическая схема получила дальнейшее развитие в публикациях Н. И. Барминой [из последних публикаций: 68, с. 260-265], но ее более подробное рассмотрение может стать предметом отдельной статьи.

В 1974 г. Е. В. Веймарн приступил к реализации давно вынашиваемого им плана исследования комплекса дворца мангупских князей. Эта работа планировалась как подведение итогов всех предшествующих раскопок. С этой целью предполагалось удаление отвалов, накопившихся с 1912 г. На территории комплекса впервые была разбита сетка четырехметровых квадратов, покрывшая площадь в 600 м². При планировании хода исследований Е. В. Веймарн руководствовался гипотезой о симметричной планировке комплекса, принимая, таким образом, в качестве теоретической базы рассмотренную нами гипотезу Е. Г. Сухова. Организационно работы предполагалось вести совместно Институтом археологии АН УССР и БИАМ⁴². По результатам исследований дворцовый комплекс оказался более сложным сооружением, нежели представлялось, особенно в юго-западной части. На основании исследований участков культурного слоя, не затронутых ранее раскопками, был сделан вывод о трех периодах в жизни комплекса [57, л. 51-52]. I период — додворцовый. На некоторых участках раскопа под остатками дворцовых построек выявлены следы более раннего поселения, судя по керамике и монетам (деградированный боспорский статер IV в. и медная монета Ираклия и Константина, 629-630 гг.), относящегося к позднеантичному и раннесредневековому времени [69, с. 263-264]. Представленный фрагментами керамики и монетами II период — дворцовый — датируется XIV-XV вв. Основным элементом комплекса являлось здание С, которое подвергалось перестройкам и прирастало пристройками. В северной части дворца, у южной стены башни-донжона, выявлен участок двора, на котором обнаружено значительное количество обгоревшего зерна пшеницы и проса, а также гороха и фасоли. Отмечены два слоя: завала и пожара, что связано с гибелью дворца в результате военных действий (о чем свидетельствовали находки стрел — 16 железных наконечников). Это позволило предположить, что дворец был разрушен в 1475 г. при взятии Мангупа турками. III период — последоворцовый (XV-XVI вв.) — отражен неопределенными строительными остатками в южной части комплекса. В целом, наблюдения, сделанные в процессе исследований, усилили сомнения в достоверности реконструкции дворца, предложенной Е. Г. Суховым. Этому способствовало открытие не исследованного помещения к западу от здания С, нарушавшего симметричность ансамбля. Кроме того, строительные остатки у внутренней стороны восточного крыла северной стены, принятые уральским археологом за основание антов, таковыми не оказались [57, л. 50]⁴³.

К сожалению, продолжения работ на дворцовом комплексе не последовало. В 1975 г. Е. В. Веймарну исполнилось 70 лет. Он был еще достаточно крепок физи-

⁴¹ В предварительной публикации результатов исследований базилики в 1978 г. дата гибели храма определялась слишком широко (XV в.), хотя было очевидно, что на этот период приходится и последний этап функционирования храма в контексте жизни Мангупа как столицы княжества Феодоро.

⁴² Непосредственное наблюдение за процессом исследования вел лаборант Е. В. Веймарна Л. И. Иванов. В раскопках в качестве лаборантов участвовали будущие профессионалы-археологи, тогда студенты исторического факультета СГУ И Н. Храпунов и Н. Г. Музалева (Новиченкова).

⁴³ Результаты исследований дворцового комплекса в 1974 г. следует рассмотреть особо и более подробно в отдельной публикации в связи с возобновлением изучения этого памятника экспедицией ТНУ им. В.И. Вернадского в 2006 г.

чески. Его огромный опыт полевой археологии, высокий профессиональный авторитет позволяли ему вести активную научную деятельность, но руководство Института археологии, тем не менее, приняло решение об увольнении Е. В. Веймарна в связи с уходом на пенсию. В этом не последнюю роль сыграли субъективные факторы: непростые взаимоотношения внутри Отдела археологии Крыма ИА АН УССР.

Открытый лист на исследования Мангупа в 1975 г. при поддержке ученого секретаря ОАК ИА АН УССР О. И. Домбровского был оформлен на имя Ю. С. Воронина, который с 1974 г. вел самостоятельный участок исследований — остатки усадьбы в верховьях ущелья Гамам-дере. С 1975 г. на Мангупе стали работать две самостоятельные экспедиции: Симферопольского университета и уральская (в разное время Уральского, Пермского, Челябинского университетов — в зависимости от места работы руководителя раскопок базилики Н. И. Барминой). С 1975 г. группа Симферопольского госуниверситета им. М. В. Фрунзе, работавшая ранее в составе Мангупской экспедиции Института археологии АН УССР, превратилась в самостоятельную экспедицию и продолжает работать по настоящее время. Главным объектом исследований экспедиции Симферопольского университета и Крымского областного отдела по делам строительства и архитектуры на Мангупском городище стала оборонительная система цитадели на мысе Тешкли-бурун, состоявшая из двух куртин оборонительных стен, простиравшихся от юго-восточного до северо-западного обрывов мыса и примыкавших в центре к большому трехэтажному зданию (16,62x9,15 м) (руководитель исследований — А. Г. Герцен).

В 1974 г. Крымские специальные научно-реставрационные мастерские (директор В. Ф. Крылов, главный инженер Э. С. Кулик) приступили к реставрационным работам на оборонительной напольной системе защиты цитадели в соответствии с проектом, разработанным Е. И. Лопушинской. Первые реставрационные мероприятия осуществлялись на лицевых сторонах куртин цитадели. На северо-восточной, длинной, куртине, в ее верхней части, у фланка, примыкавшего к краю обрыва над ущельем Капу-дере, восстановлен участок вывалившейся кладки лицевого панциря, сложенный из штучного камня. Этот вывал зафиксирован на фотографиях конца XIX — начала XX в. и не имел тенденции к расширению. Однако именно с него было решено начать реставрационные работы. Следует отметить, что этот опыт был не вполне удачен, т. к. направление восстановленных рядов камней заложеного участка не совпало с сохранившимися рядами. Другой участок — лицевая сторона юго-западной, короткой, куртины. Здесь на пространстве от примыкания к зданию и до юго-западного края проема вылазной калитки отсутствовал внешний панцирь. Без согласования с археологами рабочие прокопали вдоль стены траншею до поверхности материковой скалы для укладки нижнего ряда камней и начали восстановление кладки с использованием штучного камня средних размеров. Следует отметить, что на фотографии этого участка начала XX в. хорошо видно, что кладка здесь, как и на другой куртине, в нижней части была из бутового камня, а в средней — из крупных квадратов.

Поскольку проведение реставрационных мероприятий без предварительных археологических исследований вызвало нарекания специалистов, в 1975 г. было намечено проведение необходимых работ на соответствующих участках. Раскопы общей протяженностью 110 м закладывались с наружной стороны оборонительной линии цитадели. На поверхности скалы выявлены следы построек, очевидно, разобранных в период строительства куртин. В районе ворот, в прискальном слое, обнаружены фрагменты турецких гранитных пушечных ядер, а у вылазной калитки — черенковые железные наконечники стрел, датирующиеся третьей четвертью XV в. Сооружение куртин было отнесено к XIV-XV вв. Здание цитадели носило явные следы пере-

строек более позднего времени. На лицевой стороне квадрa в нижнем ряду кладки, у порога воротного проема были выявлены две процарапанные арабграфические буквы («алеф» и «нун»).

Были также продолжены начатые в 1974 г. раскопки усадьбы в истоках оврага Гамам-дере. Зафиксирована многослойность памятника. Строительные остатки наиболее позднего многокамерного жилого дома относились к XVIII в. Дом был построен на месте усадьбы XIV-XV вв., но отличался от нее планировкой. Во дворе более ранней усадьбы исследованы остатки очажных печей.

Ю. С. Ворониным были проведены небольшие раскопки с тыльной стороны оборонительной линии А. XI, пересекающей ущелье Табана-дере, заложен раскоп у калитки в месте примыкания западного фланка к восточному обрыву мыса Чуфут-Чарган-бурун. Здесь расположена группа пещерных сооружений, включающая трехэтажный комплекс дозорно-оборонительного назначения, из верхних помещений которого просматривалась вся оборонительная линия до примыкания ее к восточному склону противоположного мыса Чамну-бурун. Далее в скальном склоне располагаются вырубные сооружения монастырского комплекса, по номенклатуре 1996 г. — Северного монастыря⁴⁴. Он включает пещерную церковь, в аркасоли которой находится пятистрочная греческая надпись, к сожалению, не поддающаяся прочтению⁴⁵. Были сняты планы и разрезы этих комплексов. Выразительного археологического материала раскопки не дали. У калитки было зачищено погребение женщины, лежавшей рядом и параллельно с пороговой плитой.

На Мангупском плато и в его ближайших окрестностях проводились разведки группой во главе со студентом 4-го курса исторического факультета СГУ И. Н. Храпуновым. Под юго-западным обрывом обнаружен известняковый квадрат с греческой надписью, к сожалению, в значительной степени пострадавшей. Была продолжена топосъемка городища [70, с. 314]. Важным результатом этой работы стало создание карты в масштабе 1:1000, которая явилась основой для всех топографических схем по объектам исследований⁴⁶.

С 1976 г. Мангупская экспедиция работает по открытому листу автора настоящей статьи. Исследования сосредоточились на двух объектах системы обороны городища: северо-западной куртине напольной защитной линии цитадели и укреплении ГЛЮ А. XV. В цитадели раскопки перенесены на тыльную сторону куртины и велись на двух участках: возле ворот (раскоп VIII) и на фланке куртины, примыкающим к краю обрыва над ущельем Капу-дере (раскоп X). Незатронутый участок между этими раскопами получил обозначение «раскоп IX». На первом участке при воротах слева (при входе в цитадель) у тыльной стороны стены находился завал камня и земли толщиной около 2,5 м, в котором было выделено три горизонта. Нижний наскальный содержал материалы периода Феодоро, верхние два отражали фазы разрушения тыльного панциря куртины на данном участке. Наиболее интересные данные были получены на соседнем раскопе. Здесь выявлена строительная траншея, относящаяся ко времени сооружения куртины, в которой найдены фрагменты столовой керамики с зеленой поливой, характерные для времени Феодоро, и железный кирочный штык. В нижнем горизонте раскопа выявлены остатки постройки, прорезанной выше упомянутой траншеей. Из находок в этом комплексе нужно отметить серебряную монету

Константина Поганата и фрагменты белоглиняных поливных сосудов IX-X вв. Таким образом, стало ясно, что предположение о существовании раннесредневекового укрепления, феодального замка, на мысе Тешкли-бурун, предшествовавшего появлению «большого города», занявшего большую часть поверхности плато, не подтверждается. Появление цитадели следует отнести ко времени княжества Феодоро.

Подводя итоги десятилетнего отрезка времени после возобновления археологического изучения Мангупа, можно констатировать, что материалы этих исследований позволили по-новому подойти к реконструкции истории поселения, определить ее основные этапы, вновь поставить вопрос о типологии данного памятника и «пещерных городов» в целом. Рассматриваемый этап важен в том отношении, что на его протяжении, по мере расширения исследуемых площадей и открытия новых памятников, происходил пересмотр устоявшихся взглядов на данные проблемы.

В связи с расширением программы исследований с конца 1970-х гг., а также формированием нового концептуального подхода к представлениям об эволюции поселения на протяжении поздней античности — Нового времени, перед Мангупской экспедицией стояли следующие задачи: во-первых, завершение изучения объектов затронутых раскопками наших предшественников; во-вторых, выявление и исследование ранее неизвестных объектов городища и его ближайших окрестностей, органично связанных с функционированием поселения на различных этапах его существования. В соответствии с этим были продолжены исследования оборонительной системы (главной линии обороны (ГЛЮ) и второй линии обороны (ВЛЮ) крепости), цитадели, базилики, княжеского дворца, церкви св. Константина, церкви св. Георгия, иудейского жилого квартала и некрополя в ущелье Табана-дере (с синагогой и миквой), могильников на склонах и в окрестностях Мангупского плато. Следует отметить, что в рамках этой программы, по сравнению с начальным этапом, значительно активизировалась издательская деятельность, то есть результаты исследований начали освещаться достаточно широко и своевременно, и сегодня не требуется детально останавливаться на их истории, так как она излагается в соответствующих публикациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954-1955 гг. // СА. 1958. № 1.
2. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. 21.
3. Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Т. 1.
4. Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг. // ИГАИМК. 1932. Вып. 1-8.
5. Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. № 34.
6. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Вып. 1.
7. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
8. Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
9. Веймарн Е. В. Разведка оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34.
10. Веймарн Е. В. Археологические исследования на Мангупе в 1967 г. (Предварительный отчет) // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
11. ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
12. Бармина Н. И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11.
13. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47.
14. Протокол заседания от 16 октября 1913 г. (Сообщение Р. Х. Лепера о археологических исследованиях на Мангупе в августе-сентябре 1913 г.) // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266-269.

⁴⁴ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь: Таврия, 1996. С. 26-30.

⁴⁵ Там же. С. 109, рис. 56.

⁴⁶ Эта работа была проведена инженером-геодезистом Крымских специальных научных реставрационных мастерских (КСНРМ) Е. А. Чикалкиным.

15. Протокол заседания от 30 января 1914 г. (Сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 году) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297-300.
16. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34.
17. Герцен А. Г. По поводу новой публикации турецкого источника о завоевании Крыма // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
18. Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чорев М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
19. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). I. Запорожье, 2001.
20. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro // 31 Annual Byzantine Studies Conference, October 28-30, 2005. Georgia: The University of Georgia Athens, 2005.
21. Лопушинская Е. И. Цитадель на Мангуп-Кале // Архитектурное наследие. М., 1996. Т. 41.
22. Dubois de Montperux. Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, en Crimée. Paris, 1843.
23. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
24. Веймарн Е. В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции Института археологии АН УССР в 1969 г. // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
25. Піоро І. С. Археологічні дослідження залишків садиби на середньо вічному городищі Мангуп у 1969 р. // Вісник Київського університету. Серія історії. 1972. № 14.
26. Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.
27. Веймарн Е. В., Герцен А. Г., Лобода И. И., Пиоро И. С. Исследования Мангупского городища // АО 1972 г. М., 1973.
28. Герцен А. Г. Неизвестный документ из наследия Н. И. Репникова // In situ: К 85-летию проф. А. Д. Столяра. СПб., 2006.
29. Яковсон А. Л. Дворец // МИА. 1953. № 34.
30. Суворов Е. Г. Отчет об археологических разведках на плато Мангупа Горнокрымской экспедиции Уральского гос. университета им А. М. Горького в июле-августе 1968 г. // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1968/7.
31. Суворов Е. Г. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму // КСИА. 1972. Вып. 129.
32. Никольский Н. П. Мангуп-Кале // Записки Крымского горного клуба. Одесса, 1893. Вып. 3.
33. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
34. План городу Мангупу // РГВИА. Фонд «Военно-учебный архив».
35. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996.
36. Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
37. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Еще раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
38. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун: К вопросу периодизации Мангупской цитадели // МАИЭТ. 2006. Вып. XII.
39. Герцен А. Г., Науменко В. Е. К истории цитадели Мангупа // АДСВ. 2006. Вып. 37.
40. Герцен А. Г. Из истории христианства в Крыму: Время расцвета и испытаний: XIII-XVI вв. // Человек и христианское мировоззрение. Симферополь, 1997. Вып. 2.
41. Веймарн Е. В. Отчет о работах Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР за 1970 г. // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
42. Яковсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
43. Яковсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964.
44. Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1966. Вып. 6.
45. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. междунар. науч. конф. Симферополь, 1998.
46. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
47. Бармина Н. И. Раскопки базилики на Мангупе // АО 1971 г. М., 1972.
48. Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914.
49. Веймарн Е. В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР в 1972 г. Раздел II. Лобода И. И. Отчет об археологических работах, проведенных в 1972 г. в цитадели Мангупского городища на мысе Тешкли-бурун // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
50. Романчук А. И. Раскопки на Мангупе // АО 1973 г. М., 1974.
51. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
52. Романчук А. И. Раскопки Мангупской базилики // АО 1972 г. М., 1973.
53. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
54. Романчук А. И. Очерки археологии и истории византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
55. Романчук А. И. Черепицы с метками из раскопок Мангупа // СА. 1977. № 2.
56. Омелькова Л. А. Раскопки позднесредневековой усадьбы на Мангупе // АО 1974 г. М., 1975.
57. Веймарн Е. В. Отчет о работе Мангупского отряда Крымской комплексной экспедиции ИА УССР в 1974 г. Омелькова Л. А. Отчет о раскопках средневековой усадьбы № 1 // Архив БИКАМЗ. Фонд Е. В. Веймарна.
58. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 гг. М., 1999.
59. Броневский Мартин. Описание Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.
60. Веймарн Е. В., Даниленко В. Н., Герцен А. Г. Работы Мангупского отряда // АО 1973 г. М., 1974.
61. Веймарн Е. В. Работы на средневековом городище Мангуп в 1971 г. // Результаты полевых археологических исследований 1970-1971 гг. на территории Украины: Тез. пленарн. секційн. доповідей. Одеса, 1972.
62. Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа // Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983.
63. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Исследование Мангупской базилики // АО 1975 г. М., 1976.
64. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Результаты раскопок Мангупской базилики // АО 1974 г. М., 1975.
65. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Раскопки в районе Мангупской базилики // АО 1977 г. М., 1978.
66. Бармина Н. И., Шиллюк Н. Ф. Результаты исследования участков, прилегающих к Мангупской базилике // АО 1978 г. М., 1979.
67. Клепинин Н. Об охране памятников старины в Крыму // Записки Крымского общества любителей природы. Симферополь, 1913. Т. 2.
68. Бармина Н. И. Мангупская базилика: от возникновения до разрушения // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур. Научн. докл. междунар. конф. (Севастополь, 2004). Екатеринбург, 2004.
69. Веймарн Е. В., Иванов Л. И. Раскопки на Мангупе // АО 1974 г. М., 1975.
70. Воронин Ю. С., Герцен А. Г., Даниленко В. Н. Исследование Мангупского городища // АО 1976 г. М., 1977.

REFERENCES

1. Veimarn E. V. «Peshchernye goroda» Kryma v svete arkheologicheskikh issledovaniy 1954-1955 gg. *Sovetskaiia arkheologiia*, Moscow, 1958, No. 1.
2. Iakobson A. L. Vizantiia v istorii rannesrednevekovoi Tavriki. *Sovetskaiia arkheologiia*, Moscow, 1954, T. 21.
3. Ravdonikas V. I. Peshchernye goroda Kryma i gotskaia problema v sviazi so stadial'nym razvitiem Severnogo Prichernomor'ia // *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, T. 1.
4. Repnikov N. I. Eski-Kermen v svete arkheologicheskikh razvedok 1928-1929 gg. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1932, Vol. 1-8.
5. Tikhanova M. A. Doros-Feodoro v istorii srednevekovogo Kryma. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.

6. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1921, Vol. 1.
7. Vasil'ev A. A. Goty v Krymu. *Izvestiia Gosudarstvennoi akademii istorii material'noi kul'tury*, 1927, Vol. 5.
8. Vasiliev A. A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
9. Veimarn E. V. Razvedka oboronitel'nykh sten i nekropolia. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
10. Veimarn E. V. Arkheologicheskie issledovaniia na Mangupe v 1967 g. (Predvaritel'nyi otchet). *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
11. *Otchet Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1890 g.* S-Petersburg, 1893.
12. Barmina N. I. K izucheniiu Mangupskoi baziliki (istoriia issledovaniia). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1975, Vol. 11.
13. Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii*, 1913, Vol. 47.
14. Protokol zasedaniia ot 16 oktiabria 1913 g. (Soobshchenie R. Kh. Lepera o arkheologicheskikh issledovaniakh na Mangupe v avguste-sentiabre 1913 g.). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1913, No. 49, pp. 266-269.
15. Protokol zasedaniia ot 30 ianvaria 1914 g. (Soobshchenie R. Kh. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 godu). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1914, No. 51, pp. 297-300.
16. Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
17. Gertsen A. G. Po povodu novoi publikatsii turetskogo istochnika o zavoevanii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2001, Vol. VIII.
18. Veimarn E. V., Loboda I. I., Pioro I. S., Choref M. Ia. Arkheologicheskie issledovaniia stolitsy kniazhestva Feodoro. *Feodal'naia Tavrika*, Kiev, 1974.
19. El'nikov M. V. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam issledovaniia 1989-1992 gg.)*. Vol. I. Zaporozh'e, 2001.
20. Gertsen A. Periodization of History Mangup-Theodoro. *31 Annual Byzantine Studies Conference, October 28-30, 2005*. Georgia, The University of Georgia Athens Press, 2005.
21. Lopushinskaia E. I. Tsitadel' na Mangup-Kale. *Arkhitekturnoe nasledstvo*, Moscow, 1996, T. 41.
22. Dubois de Montperux. *Voyage autour du Caucase, ches les Tcherkessus et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie, en Crimee*. Paris, 1843.
23. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 1990, Vol. I.
24. Veimarn E. V. Otchet o rabotakh Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN USSR v 1969 g. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
25. Pioro I. S. Arkheologichni doslidzhennia zalishkiv sadibi na seredn'o vichnomu gorodishchi Mangup u 1969 r. *Visnik Kiivs'kogo universitetu. Serii istoria*, 1972, No. 14.
26. Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1950, No. 17.
27. Veimarn E. V., Gertsen A. G., Loboda I. I., Pioro I. S. Issledovaniia Mangupskogo gorodishcha. *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 g.*, Moscow, 1973.
28. Gertsen A. G. Neizvestnyi dokument iz nasledii N. I. Repnikova. *In situ: K 85-letiiu prof. A. D. Stoliara*, S-Petersburg, 2006.
29. Iakobson A. L. Dvoretz. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1953, No. 34.
30. Surov E. G. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na plato Mangupa Gornokrymskoi ekspeditsii Ural'skogo gos. universiteta im A. M. Gor'kogo v iuule-avguste 1968 g. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. № 1968/7.
31. Surov E. G. Raskopki dvortsa XV v. na plato Mangupa v Krymu. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR*, Moscow, 1972, Vol. 129.
32. Nikol'skii N. P. Mangup-Kale. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba*, Odessa, 1893, Vol. 3.
33. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Peshchernye tserkvi Mangupa*. Simferopol, 1996.
34. Plan gorodu Mangupu. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv*. Fond «Voenno-uchenyi arkhiv».
35. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Peshchernye tserkvi Mangupa*. Simferopol, 1996.
36. Veimarn E. V. O dvukh neiasnykh voprosakh srednevekov'ia Iugo-Zapadnogo Kryma. *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma*. Kiev, 1968.
37. Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. Eshche raz o date poiavleniia kreposti na plato Chufut-Kale. *Problemy istorii «peshchernykh gorodov» v Krymu*, Simferopol, 1992.
38. Gertsen A. G., Zemliakova A. Iu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-Burun: K voprosu periodizatsii Mangupskoi tsitadeli. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, Simferopol, 2006, Vol. XII.
39. Gertsen A. G., Naumenko V. E. K istorii tsitadeli Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2006, Vol. 37.
40. Gertsen A. G. Iz istorii khristianstva v Krymu: Vremia rastsveta i ispytani: XIII-XVI vv. *Chelovek i khristianskoe mirovozzrenie*, Simferopol, 1997, Vol. 2.
41. Veimarn E. V. Otchet o rabotakh Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR za 1970 g. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
42. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow, 1959, No. 63.
43. Iakobson A. L. Srednevekovyi Krym: Ocherki istorii i istorii material'noi kul'tury. Moscow, Leningrad, 1964.
44. Danilenko V. N., Romanchuk A. I. Polivnaia keramika Mangupa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1966, Vol. 6.
45. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Istoriko-kul'turnye svyazi Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia X-XVIII vv. po materialam polivnoi keramiki*, Simferopol, 1998.
46. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X-XVIII vv.* Kiev, 2005.
47. Barmina N. I. Raskopki baziliki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 g.*, Moscow, 1972.
48. *Krym. Putevoditel'*. Simferopol, 1914.
49. Veimarn E. V. Otchet o rabote Mangupskogo otriada Krymskoi ekspeditsii IA AN USSR v 1972 g. Razdel II. Loboda I. I. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh, provedennykh v 1972 g. v tsitadeli Mangupskogo gorodishcha na myse Teshkli-burun. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
50. Romanchuk A. I. Raskopki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g.*, Moscow, 1974.
51. Bert'e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, Simferopol, 1918, No. 55.
52. Romanchuk A. I. Raskopki Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1972 g.*, Moscow, 1973.
53. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995.
54. Romanchuk A. I. *Ocherki arkheologii i istorii vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 2000.
55. Romanchuk A. I. Cherepitsy s metkami iz raskopok Mangupa. *Sovetskaia arkheologiia*, 1977, No. 2.
56. Omel'kova L. A. Raskopki pozdnesrednevekovoi usad'by na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow, 1975.
57. Veimarn E. V. Otchet o rabote Mangupskogo otriada Krymskoi kompleksnoi ekspeditsii IA USSR v 1974 g. Omel'kova L. A. Otchet o raskopkakh srednevekovoi usad'by № 1. *Arkhib Bakhchisaraiskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeia-zapovednika*. Fond E. V. Veimarna.
58. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 gg.* Moscow, 1999.
59. Bronesvskii Martin. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, Simferopol, 2005, No. 10.
60. Veimarn E. V., Danilenko V. N., Gertsen A. G. Raboty Mangupskogo otriada. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973 g.*, Moscow, 1974.

61. Veimarn E. V. Raboty na srednevekovom gorodishche Mangup v 1971 g. *Rezul'tati pol'ovikh arkheologichnikh doslidzhen' 1970-1971 rr. na teritorii Ukraini*, Odesa, 1972.
62. Gertsen A. G. Istorii izucheniia oboronitel'nogo kompleksa Mangupa. *Razvitie feodalizma v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope*, Sverdlovsk, 1983.
63. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Issledovanie Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1975 g.*, Moscow, 1976.
64. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Rezul'taty raskopok Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow, 1975.
65. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Raskopki v raione Mangupskoi baziliki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 g.*, Moscow, 1978.
66. Barmina N. I., Shiliuk N. F. Rezul'taty issledovaniia uchastkov, privilegiiushchikh k Mangupskoi bazilike. *Arkheologicheskie otkrytiia 1978 g.*, Moscow, 1979.
67. Klepinin N. Ob okhrane pamiatnikov stariny v Krymu. *Zapiski Krymskogo obshchestva liubitel'ei prirody*, Simferopol, 1913, T. 2.
68. Barmina N. I. Mangupskaiia bazilika: ot vozniknoveniia do razrusheniia. Rossiia — Krym — Balkany: *Dialog kul'tur. Nauchnye doklady mezhdunarodnoi konferentsii (Sevastopol', 2004)*, Ekaterinburg, 2004.
69. Veimarn E. V., Ivanov L. I. Raskopki na Mangupe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 g.*, Moscow, 1975.
70. Voronin Iu. S., Gertsen A. G., Danilenko V. N. Issledovanie Mangupskogo gorodishcha. *Arkheologicheskie otkrytiia 1976 g.*, Moscow, 1977.

Герцен А. Г.

**К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап
Резюме**

Статья посвящена начальному этапу возобновленного после тридцатилетнего перерыва в 1967 г. археологического изучения средневекового городища Мангуп в Юго-Западном Крыму. Концептуальной основой для работы послужила гипотеза Е. В. Веймарна об эволюции поселения, начавшаяся с раннесредневекового убежища на мысе Тешкли-бурун и формирования возле него в X-XI вв. большого поселения городского типа, получившего в XIII в. статус столицы княжества Феодоро. Под руководством Е. В. Веймарна с 1967 по 1974 гг. исследования проводила Мангупская экспедиция Института археологии Академии наук УССР, основным участником которой была группа Крымского государственного педагогического института (КГПИ), преобразованного в 1971 г. в Симферопольский государственный университет (СГУ), с 1999 г. — Таврический национальный университет, с 2014 г. — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. С 1975 г. исследования продолжены самостоятельной Мангупской экспедицией СГУ, работающей и в настоящее время. Основными объектами исследований на первом этапе стали базилика, оборонительная система цитадели, княжеский дворец и остатки церквей на южном обрыве плато. Важные результаты дали разведки оборонительной системы, открывшие ранее неизвестные сооружения, входившие в главную линию обороны, обеспечивавшую защиту всего контура плато. Соответственно, обороняемая площадь достигала 90 га. В отношении базилики установлено, что вопреки первоначальным представлениям о почти полной изученности храма оказались не разведанными участки, исследование которых до сих пор не завершено. Материалы раскопок второй половины 1970-х гг. показали, что предложенная ранее схема генезиса поселения нуждается в пересмотре. Стало очевидным, что раннесредневековый Мангуп может рассматриваться как упоминаемый в источниках Дорос, центр населенной готами страны Дори. В XI-XIII вв. в жизни поселения наступил перерыв. С XIV в. оно формируется как столица княжества Феодоро. Была реконструирована картина осады и гибели города в 1475 г. На основании раскопок участков обороны выявлены остатки позиций турецкой артиллерии и следы обстрелов крепостных стен.

Ключевые слова: Мангуп, Дорос, Феодоро, история изучения.

Gertsen A. G.

**To the Fifty Years of Renewal of Archaeological Research of Mangup: The Initial Stage
Summary**

This article addresses the initial stage of the archaeological research of the mediaeval town of Mangup in the South-Western Crimea after their renewal following the thirty-year-long gap in 1967. Its conceptual background is Evgenii Veimarn's hypothesis of the evolution of this settlement from the early mediaeval refuge on Teshkli-Burun promontory and the big town-like settlement shaped around it in the tenth and eleventh centuries to what received the status of the capital of the Theodoro principality in the thirteenth century. The Mangup Expedition of the Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR headed by Veimarn worked from 1967 to 1974 with participation of a group from the Crimean State Pedagogic Institute, which was re-established in 1971 as the Simferopol State University, in 1999 as the Taurida National University, and in 2014 as V. I. Vernadsky Taurida Federal University. From 1975 on, the researches were continued by independent Mangup Expedition of the Simferopol State University which keeps working to these days. In the initial stage, the main subjects to research were the basilica, the fortifications in the citadel, the prince's palace, and the sites of churches on the southern precipice of the plateau. Important results were brought by reconnaissance of the fortifications which discovered previously unknown structures forming the main line of defences protecting the whole contour of the plateau and encircling 90 hectares. Regarding the basilica, it has been determined that, despite of early notion of almost totally researched site, there still are unexcavated areas inside, which research has not been finished so far. The materials excavated in the second half of the 1970s uncovered that the previously suggested scheme of the settlement genesis should be clarified. It became obvious that the early mediaeval Mangup could be attributed to Doros accounted to by written sources as the centre of the country of Dory populated by the Goths. From the eleventh to thirteenth centuries, there was a gap in the life of this settlement. From the fourteenth century on, it developed as the capital of the Theodoro principality. The aspect of the assault and siege of the town in 1475 was reconstructed. The excavations of the parts of the fortification system discovered the site of Ottoman artillery position and traces of bombardment in the fortress walls.

Keywords: Mangup, history of research.